

Александр Прозоров

К
Н
Я
З
Ь

Бумба бекон

Князь

Александр Прозоров

Битва веков

«Автор»

2010

Прозоров А. Д.

Битва веков / А. Д. Прозоров — «Автор», 2010 — (Князь)

Шестидесятые годы шестнадцатого века. На Руси введена опричнина, против царя плетутся многочисленные заговоры, знатные роды враждуют друг против друга и своего государя, в стране царит раздробленность и смута на грани гражданской войны. В это самое время самая могучая из держав мира и решила прибрать русские земли к своим рукам. Грядет Битва веков, которая определит будущее Руси и всего остального мира. Но об этом знает только Андрей Зверев, князь Сакульский по праву владения, способный через зеркало Белеса заглянуть в грядущее. И лишь он среди всеобщей смуты и безразличия пытается предотвратить катастрофу.

© Прозоров А. Д., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Пролог	5
Кровь за кровь	6
Рязанская пирушка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прозоров

Битва веков

Пролог

Самой лютой зимой от сотворения мира семь тысяч семьдесят второй, а от Рождества Христова тысяча пятьсот шестьдесят четвертой, через густые Оршанские леса полз по скованной толстым льдом реке Улле длинный, длинный обоз, вытянувшийся по излучинам на добрый десяток верст. На пяти тысячах телег, саней и повозок были сложены десятки пушек, сотни пищалей, многие тысячи тегилев, кольчуг, копий, щитов и луков. Бояре же, что покачивались в седлах как впереди, так и позади обоза, двигались налегке. Уже не первый десяток лет, с самого часа восшествия Иоанна IV на престол, русская армия не знала поражений, и потому никто не сомневался, что и в этот раз враг будет смят легко и быстро.

В богатых шубах, в ярких цветастых кафтанах и дорогих зипунах, подбитых песцами и горностаем, в теплых, расшитых катурлином валенках и пухлых меховых шароварах воины не замечали холода. Они громко переговаривались, шутили, пытались запевать, многие прикладывались к поясным бурдючкам с фряжскими или испанскими винами, а иные и вовсе кемарили в седле. Беспокоиться было не о чем. Поход ведь еще даже не начался. Только через пару недель возле Орши под руку князя Петра Шуйского должны встать пятьдесят тысяч ополченцев, которых вели от Вязьмы князя Серебряные-Оболенские, получить оружие и брони – и лишь после этого рать развернется на...

Пушечный залп оглушил путников, стяхнул иней с деревьев, смахнул верхний слой снежного наста. Заметались раненные лошади, им под копыта начали падать убитые и покалеченные бояре. Никто еще и понять ничего не успел – а в обоз ударил второй залп, на этот раз аркебузный. И опять снег обагрился кровью, попадали лошади и седоки. Из-за деревьев вниз по склону со страшным криком покатались тысячи и тысячи одетых в кирасы и кольчуги людей, из-за излучины, дико воя, показалась опустившая копыта конница.

Некоторые воины успели выхватить сабли, рубануть неведомых татей – но большинство ополченцев, так ничего толком и не поняв, не имея оружия и не слыша приказов, просто шарахнулись прочь, в низкий лес по ту сторону реки, и бросились бежать...

Кровь за кровь

В Москву Андрей въехал в Афанасьевский мороз, в самую что ни на есть густую непроглядную вьюгу окончательно испортившую ему настроение¹. Столица встретила полупустыми улицами, узкими проездами, еле втискивающимися меж высоких, вровень с заборами, сугробов, и густым дымом, стелящимся вниз из тысяч и тысяч печных труб. Пахом хрипло закашлялся – и князь решительно пустил скакуна в галоп, распугивая редких прохожих. Холопы, стремительно мчась следом, залихватски пересвистывались и даже завывали – не столько из молодецкой удалости, сколько предупреждая простой люд об опасности. Под скачущего всадника угодить – это ведь и костей потом не соберешь.

Всего несколько минут – и князь Андрей Сакульский осадил коня перед воротами своего подворья, спрыгнул наземь и толкнул калитку, придерживая повод в левой руке. Створка не поддавалась, и он несколько раз гулко стукнул по ней кулаком. Подлетевшие холопы закрутились перед воротами, то и дело во весь рост поднимаясь на стремянах:

– Ге-гей, бездельники! Хорош спать, отворяйте! Князь вернулся!

И только невозмутимый Изольд, натянув поводья возле воротного столба, встал на седло, шагнул с него на край воротины возле петель, перепрыгнул внутрь, и уже через миг калитка приветливо отворилась.

– Милости прошу, княже... – посторонился холоп и перехватил у Андрея поводья.

Внутри было снежно, словно в поле. Лишь узкая тропинка тянулась к укрытому толстой белой шапкой крыльцу. Кабы не она – так и вовсе дворец за необитаемый принять можно. Князь Сакульский недовольно тряхнул головой, поспешил к дому. Лишь когда он уже шагнул на нижние ступени, дверь приоткрылась, и из темноты многозначительно появился тяжелый граненый пищальный ствол. Андрей тут же метнулся в сторону, уходя с линии огня, и лишь оказавшись в «мертвой зоне» у приделанной к перилам скамьи, спохватился, что не в чужой дом врывается, а в свой собственный... но под выстрел все равно подставляться не стал.

– Лопаты холопам дай! – грозно приказал он. – Ворота занесло, не открыть!

За дверью замялись. Через пару мгновений ствол скрылся за створкой, вместо него высунулась голова в лохматом лисьем малахае.

– Андрей Васильевич?! – Лицо мальчишки расплзлось в широкой улыбке. – Никак приехали?

– Нет, в облаках порхаю, – хмуро отрезал князь. – Почто не отпираешь?

– Дык, мать с малым, – вышел наконец наружу сын приказчицы, – а я печи проверял.

Внутри и не слышно совсем...

– Лопаты где, кулема?! – крикнул от ворот Полель. – Али нам за воротами ночевать?

– Да бегу, бегу! – сорвался с места младший Андрей. – За сараем усе собрано, навес вон за поленницей виден.

Паренек побежал показывать, где находится инструмент, и князь так и не успел переспросить, что за «малой» требует внимания хозяйки. Проводив мальчишку взглядом, он шагнул в прихожую, скинул валенки, дабы не намокли, сунул ноги в чьи-то шлепанцы, ступил в дом. Дохнул. Из рта пошел пар.

– Опять выстудили... – поморщился он, на ощупь нашел перила лестницы, поднялся на второй этаж, опять же на ощупь, отсчитывая правой рукой провалы дверных проемов, добрался до своей светелки, внутри скинул шубу, поежился. Мороз сюда, может, и не пробрался, но и

¹ «Афанасьевский мороз» – 31 января. По поверью, если в этот день солнечная погода – быть ранней весне и теплomu лету. Коли нет – то и весна запоздает.

тепла не чувствовалось. К тому же было сумеречно – через закрытые ставни внутрь просачивалось совсем немного света, рассеиваясь в слюде.

Поколебавшись, Андрей решил, что холоднее все равно не станет, отворил окно, откинул изнутри крюки створок, толкнул ставни наружу. Комнату тут же залило светом – после мрака коридоров даже пробивающееся через снег серое свечение показалось ослепительным. Князь увидел, что лошади все еще топчутся на улице. Правда, в десять пар рук холопы уже расчистили больше половины двора и вот-вот должны были завести скакунов в конюшню. Пахома среди работников не было.

– Совсем сдал дядька, – покачал головой Андрей. – От любого дела задыхается. А признавать сего не желает.

Князь Сакульский давно бы оставил своего воспитателя жить в тепле и заботе у себя во дворце, хоть в Запорожском, хоть здесь, хоть в иное место отпустил по его выбору – да только тот, ссылаясь на давнюю клятву, данную боярину Лисьину, упрямо следовал за Андреем во всех походах и поездках. Было дело, свалился пару раз от какой-то нутряной болезни – но едва встав на ноги, опять нагонял хозяина, чтобы верно следовать в паре шагов позади, крепко сжимая рукоять острой сабли. И сделать что-либо с этим было никак невозможно.

Князь закрыл внутренние створки, повернулся и только теперь разглядел у печи аккуратно сложенную стопку дров.

– Стало быть, дела своего Варенька не забывает. А я уж сомневаться начал.

Он достал из шкафчика свечу, из поясной сумки – огниво, высек в трут искру, слегка подул, давая ей разгореться, поднес полоску бересты, раздул, от бересты запалил свечу, поставил возле печи, косарем расколочил одно из полешек на несколько лучин, поломал их, сложил в топку, открыл задвижку дымохода, поджег растопку. Немного обождал, пока сухое дерево займется, после чего уже без опаски перекидал в печь почти половину заготовленных дров. Прикрыл дверцу, прислушался к уютному гудению, приложил ладони к глянцевым изразцам – но те, естественно, все еще оставались холодными. Пока печь прогреется, пока сама тепло давать начнет, пока светелка от холода отойдет – это еще сколько времени пройдет! Так, чего доброго, в холодную влажную постель укладываться придется. А куда денешься? Не в людскую же к холопам идти!

За печной дверцей уютно потрескивал огонь... Но комната все равно оставалась пустой, холодной и скучной. Князь прогулялся до окна, вернулся к печи, взял свечу и шагнул в коридор. Прошел по коридору почти до конца, повернул налево, толкнул дверь... Точно, здесь тоже стояла печь.

– Чай, дома, не в гостях. Помню! – похвалил себя Андрей, князь Сакульский, урожденный боярин Лисьин, опускаясь на корточки перед топкой, наколочил лучинок, запалил, подкинул поленья, закрыл дверцу, отправился дальше.

На втором этаже печей было всего четыре: в покоях князя, княгини и еще в двух комнатах, когда-то задуманных то ли как детские, то ли как гостевые, то ли для знатных родичей. Остальные грелись через продыхи, от нижних топок. Посему князь спустился вниз, направился в трапезную и чуть не лоб в лоб столкнулся с торопящейся Варварой – в простом домотканом платье, сером платке на волосах и длинной овчинной душегрейке.

– Ох, прости Господи, Андрей Васильевич! – в последний миг успела увернуться она. – Не ждала тебя здесь увидеть.

– А где же мне еще быть? – Князь развел руками, в одной из которых был косарь, а в другой толстая восковая свеча. – Должен найтись в доме хоть один истопник. Вот и бегаю. Чего холодно-то так везде?!

– Дрова денег стоят, княже. Чего их зря палить, коли не живет никто? Посему и грела через день, токмо чтобы изморозь не пробралась, – отчиталась ключница. – Ты ступай, Андрей Васильевич, отдыхай.

– Тут ныне только снеговика отдыхать впору, – хмыкнул князь. – Сходи лучше о бане распорядись. Печи я уж сам, дурное дело нехитрое.

– Так топится уже банька-то, – улыбнулась Варя. – Я об том первым делом Андрюше наказала.

– Тогда снедью займись. Путь долгий получился, люди устали. Накормить надобно вкусно и сытно. И хмельного чего им налить. Кроме тебя с этим никто не разберется. А с печами я сам. Ступай.

– Как скажешь, Андрей Васильевич, – отступив, низко, в пояс, поклонилась женщина и, громко постукивая деревянными подошвами, ушла на кухню. Князь же, поиграв косарем «мельницу», отправился выполнять взятую на себя обязанность.

Дворец вскоре начал наконец-то согреваться. Первая закладка прогорела. Андрей совершил круг, снова наполняя топки, и не поленился сходить к поленнице, принести свежих дров.

Холопы тоже не скучали: лошадей расседлать и почистить, воды наносить, сена задать, все подворье от снега расчистить. Пока управились – уже и баня поспела. Да и смеркаться начало. Слегка перекусив, добры молодцы отправились мыться, а вернулись уже распаренные, хмельные и полусонные. Сытный ужин в трапезной за княжьем столом стал последним ударом – ребята явственно заклевали носом. Андрей не стал томить заслуживших отдых людей и отправился к себе в покои, предоставив им допивать вино и укладываться, кому где покажется удобным.

Но, поднявшись в светелку, он, к своему удивлению, обнаружил в ней яркую масляную лампу на три фитиля. Печка снова трещала сосновыми поленьями, на открытой крышке бюро лежали три спрятанных в конверты письма. Из опочивальни доносился слабый шум. Даже не задумавшись о своем поступке, просто из ввевшейся в плоть и кровь осторожности, Андрей положил руку на рукоять сабли, чуть вытащил клинок, бесшумно скользнул к двери – но увидел всего лишь хлопчущую у постели Варю.

– Я думал, ты в трапезной осталась. – Князь отпустил саблю, снял пояс и повесил его на стену в изголовье.

– И рада бы, да хлопот еще изрядно. В доме ведь, вроде, и тепло, ан стены, шкафы и постели еще не отогрелись. Простыни, перина, одеяло какими были, такими и остались. Не класть же тебя на сырые простыни, батюшка. Вот угольницы собрала. – Приказчица приоткрыла край одеяла и показала широкую медную грелку, похожую на две плотно сложенные друг на друга сковородки.

– Какой я тебе «батюшка»? – хмыкнул Андрей. – Уж кто бы так называл.

– Письма до тебя приносили, Андрей Васильевич, – отвернувшись, снова расстелила одеяло приказчица. – Я их там, на стол писчий выложила.

– Ты, никак, обиделась на что-то, Варя? – подступил к ней ближе Андрей. – Голос сухой, как астраханская вобла.

– Не мне, простой холопке, на князя своего обиду держать... – с невероятным смирением ответила та.

– Холопке, – вскинул брови князь. – Нечто и надпись закупная есть? А я и запомнил!

Андрей шагнул вперед, норовя сгрести женщину, но та вывернулась, отскочила:

– Не тронь! И думать не смей! Я тут одна уже полгода, ровно тать в порубе, сiju, каждую копейку тебе считаю, каждое полено берегу, а ты зараз меня в том же и попрекаешь! И дом тебе холодный, и двор не чищен! А кому чистить? Нечто не ведаешь, что серебра от тебя уж не помню, когда получала? Нечто не ведаешь, что княгиня холопов всех и дворню в имение отозвала?

Андрей только рассмеялся:

– Вижу, вижу. Послушание холопые со всех щелей так и прет.

– А что? Неправду сказываю? – несколько сбавила тон Варвара.

– Правду, правду, – признал Андрей, уходя обратно в светелку, к бюро. – И забрали, и берегли на всем, на чем могли. Два года последних, Варя, словно обиделся Господь на нас всех. И весна поздняя выходила, и дожди все лето хлестали, и заморозки ранние. Хлеба, почитай, не уродилось вовсе. Токмо репу и гречиху собрать получилось. И в лесах ягода вся погнила и грибов почти не выросло. Тут не то что прибýtка – с голоду не опухнуть, и то счастье. У нас в княжестве хорошо хоть, озер много. Смердам рыбу ловить позволили невозбранно. Что в Ладого, что на лесных малых протоках. Тем и продержались до сей зимы. У отца же таковой отдушины нет, ему и холопов своих кормить нечем оказалось, ко мне всех отослал. Крепостные людишки голодают, оброка нет. Кто бессемейный – так в бега ударились. Прочие пухнут, кору и лебеду жрут, нового урожая дожидаясь. Еще и мор в Лисьином случился... Теперь, похоже, половина удела вовсе непаханой останется. Тут, сама понимаешь, не до дворца столичного. Души бы, что под моей рукой оказались, не сгубить, и то хорошо. Большого и не надо. Еще и нынешний год столь же ненастным станет. Но теперь я хоть упредил, чтобы рожь не сеяли. Только репу да брюкву. Она летних заморозков не боится, с ней погребца по крышу заьем. Не сладко, да хоть не голодно.

Он переставил лампу на крышку бюро, поднял один из конвертов, сломал печать.

– О, про меня вспомнил барон Тюрго! Интересно... – Андрей пробежал письмо глазами. – Похоже, у них смута случилась, и он своих обещаний исполнить не сможет. Знамо дело, соседи. Коли у нас неурожай – стало быть, и у них голод. А это матушка... Благодарит за возвращение отца. Господи, как же давно это было? Я ведь с нею даже встречался после того, как она о его приезде отписала. Кто еще про меня вспомнил? Надо же, князь Воротынский! Вел себя так, ровно немилость царская ему безразлична, ан о моем обещании все же напомнил. Это славно. Я ведь как раз ради него в Москву и отправился.

– В Москве хлеб за последние два года тоже втрое вздорожал, – из-за самой спины добавила Варя. – Неурожай.

– Потому холопов и отозвали, – повернулся князь, – что в имении их прокормить проще. Каша, репа, рыба свои, да еще и ловить помогут. В столице же все за серебро покупать приходится. А доходов без урожая нет. Токмо государево жалование и спасает.

– У тебя ведь, сказывал, корабельщики трудятся?

– А все едино... – Сложив письмо, спрятал его обратно в конверт Андрей. – Коли в землях неурожай, так и на товары спроса нет. Нет спроса – ладьи и струги без надобности. Без работы сидят мои корабельщики. Чего-то продали минувшим летом, но и им только концы с концами сводить хватает.

– Ой, горит что-то!!! – метнулась Варя в опочивальню, отшвырнула в сторону одеяло, ловким движением сгребла сразу все грелки: – Нет, вроде обошлось. Нигде не обуглилось.

– Зачем так с одеялом-то? – с усмешкой попрекнул Андрей, подбирая его с пола, кинул на постель. И так получилось, что лица их в это мгновение сблизились так, что он даже ощутил дыхание приказчицы. И даже коснулся ее губ своими губами. Равновесие было окончательно нарушено, и оба вместе упали на горячую и влажную постель...

... Впрочем, когда они стали способны это заметить – белье уже успело и остыть, и просохнуть.

– С приездом тебя, боярин, – с улыбкой поцеловала его Варя спустя пару минут после окончания бурной и сладкой схватки. – А то ведь и не узнать поначалу было.

– Здравствуй, Варенька... – Андрей перекатился на нее, топя в перину, посмотрел в глаза, медленно склонился, крепко поцеловал в губы. – Сокровище мое.

– Уж какая есть, – усмехнулась та. – Теперь пусти, княже. Идти мне надобно.хлопот много.

– Какие у тебя могут быть хлопоты, коли я здесь? – укоризненно поцокал языком Андрей. – Али не мне ты служишь?

– Малой хитростей сих не понимает, княже, – покачала головой женщина. – Он мамку первый завсегда требует. Подать ее сюда, и все тут!

– Что за малой? – отодвинулся князь.

– Сын у меня по осени родился, боярин. – Приказчица села, оглянулась по сторонам. – Эк одежду-то разметало. Ровно ураган.

– Он и был. Чей сын-то?

– Знамо дело, мой, – оглянулась через плечо женщина, поднялась, взяла с подоконника и встряхнула, расправляя, платье. – То вам, мужикам, сего не в жисть не угадать. Мы же своих детей завсегда точно знаем.

– Ну да, ну да... – Разумеется, это был дурацкий вопрос. Но Андрей все же попытался наскоро посчитать в уме: «осень, минус девять: получается зима...».

Это где же он тогда был? Мог – в Москве. А мог – и в дороге. Стараниями царскими о прошлом годе поноситься по городам и весям пришлось изрядно. Но зиму, вроде бы, он пару раз застиг здесь... Или нет?

Знать бы заранее – хоть метку бы какую в бумагах поставил!

Варя уже забралась в платье и завязывала платок.

– Подожди! – отбросил одеяло он. – С тобой хочу сходить. Хоть гляну, кто от меня первую любовь отнимает.

Варя вздрогнула, резко повернула к нему голову... И промолчала. Жизнь успела научить ее и смирению, и разумности, и фатализму. Теперь она даже не пыталась намекнуть на то, кто именно является отцом ребенка. Приказчица хорошо понимала, что родовитый князь никогда не признает своей связи с холопкой. И не получится ничего хорошего, если раздувать конфликт там, где проросли семена искреннего чувства.

– Коли интересно, пойдем. Мальчик уродился крепким.

Андрей натянул шаровары, влез в рубашку, опоясался – чисто по привычке, без недобрых мыслей. Нагоняя стремительную Варвару, спустился на первый этаж и вскоре оказался в небольшой комнатенке, зажатой между кухней и печью княжских покоев. Здесь, у бревенчатой стены, разгораживающей помещения, и покачивалась подвешенная к потолку плетеная колыбелька. Чуть дальше, под темным окном, стоял узкий топчан с соломенным тюфяком.

– Ты б его еще в чулане спрятала! – полушепотом попрекнул Андрей. – Нечто во всем дворце места поприличнее не нашлось?

– Ты, боярин, может, и князь, – насмешливо хмыкнула Варя, – а все едино мужик бестолковый. На кой ляд ему твои горницы расписные, коли самое теплое и уютное место завсегда здесь, где от кухни тепло, а от печи не жарко? Далеко печь, в трех шагах. Даже когда топишь, все едино не жарит.

– Тепла тут много, а свежего воздуха нет, – парировал Андрей. – Дыра-то над постелью, небось, вовсе не открывается.

– Свежий воздух летом хорош... – начала отвечать приказчица, но князь отвлекся на румяные щеки крепыша, что посапывал в колыбели, и на его плотно сжатые розовые кулачки, высунутые из-под одеяльца.

– Как назвала? – спросил он, склоняясь над ребенком с глупой незваной улыбкой.

– В монахинях не бывала, святцев не помню, – ответила Варя. – Крестить стану – скажут.

– Меня крестным отцом позови, – твердо приказал Андрей, толком еще не успев понять своего отношения к младенцу. Он не мог быть родителем безродного ребенка. Но стать его крестным князю не запрещали никакие законы и обычаи. Такая доброта знатных людей к потомкам простолюдинок встречалась сплошь и рядом.

– Андрей обидеться может... – неуверенно отказалась Варя.

– Не обидится. Я с ним поговорю, – шепотом пообещал Андрей, и осторожно, одними губами, коснулся лба ребенка. Отступил. – Постель, смотрю, одна. А где мальчишка-то спит?

– Сам сказываешь, дворец большой, – улыбнулась приказчица. – Теперь ступай, мне кормить надобно. Тебе же отдыхать после дороги.

– Да мне и здесь тепло.

– Ступай, княже, – покачала головой она. – Не смущай. И место тут токмо для одной... Малыш многозначительно зачмокал пухлыми губками.

– Ладно, корми, – смирился князь. – Ныне он здесь хозяин. Будем надеяться, и впредь не подведет.

Князь Сакульский поднялся в свои покои, подбросил в печь еще пару поленьев, перешел в опочивальню и поперек перины упал на постель.

Итак, у него родился сын. Славный розовощекий малыш, вызывающий в сердце приятную щемящую теплоту. Сын, снова рожденный не от жены, а от первой познанной им в этом мире женщины. Вот уж больше шестнадцати лет прошло с момента их первой встречи, но Андрей так до сих пор и не смог понять своего отношения к Варе. Князь любил свою жену. Он был совершенно уверен, что, кроме Полины, никто не нужен ему в этом мире, что именно с ней он желает провести все отмеренные ему провидением годы, рядом с ней желает встретить старость, вместе с ней радоваться успехам детей и переносить испытания, коли они выпадут на их долю. Он любил свою жену...

Но близость Вари неизменно вызывала в душе его непонятное, бессмысленное смятение, скручивала в безумие, превращала в глупого мальчишку, желающего только одного, здесь и сейчас – отбрасывая всякие разумные доводы и требования морали.

«Может, для нее приворот на меня кто-то сделал? – мелькнула шальная мысль. – Оно ведь так действовать и должно: подавлять волю, выключать рассудок. Нечто и правда зелье какое мне от нее досталось?»

Как избавиться от возможного приворота, Андрей знал отлично – даром что ли мудрость древнего волхва Лютобора несколько лет кряду со всем усердием зубрил. Знал... Но почему-то не имел никакого желания этим знанием пользоваться.

* * *

Дела своего, ради которого пришлось пропутешествовать аж через половину державы от Карелии до Москвы, князь Сакульский откладывать не стал и на рассвете отправился к побратиму своему боярину Кошкину. Он был уверен, что не застанет дьяка Разрядного приказа дома, и намеревался лишь предупредить через дворню о своем возвращении в столицу – но его неожиданно пригласили в дом, и молодой служка провел гостя в трапезную.

– Андрей Васильевич! – раскинул руки хозяин и поднялся навстречу. – Хоть одна радость случилась. Эй, Сенька! Братчину вели отмыть да наполнить! Давненько я из нее не пивал. Уж и забывать начал, каково это, в руках ее подымать.

– Здрав будь, Иван Юрьевич, – подойдя ближе, крепко обнял побратима князь. – Что-то грустно голос твой звучит ныне. Нечто не ложился еще после вчерашнего пира?

– А с кем пировать? – недовольно дернул себя за бороду боярин Кошкин. – Видишь кого, али нет?

Андрей невольно оглянулся, хотя и знал, что в трапезной пусто. В обширной комнате стояли прежние длинные столы, способные вместить добрую сотню гостей, скамья и широкие подоконники позволяли не только сесть, но и вытянуться во весь рост, дабы не уходить из компании для сна. Светильники по углам и под потолком щедро заливали все вокруг ярким светом, но... Но накрытые столы, свет, скамьи – все это было никому, совершенно никому не нужно. Во главе этой роскошной пустоты восседал думный боярин и дьяк Иван Кошкин в одном лишь парчовом халате, расшитом золотой нитью и украшенном самоцветами, и в одиночку потягивал красное вино из прозрачного бокала тонкого венецианского стекла.

Выглядел хозяин дома весьма понурым и уставшим. Всклобоченная борода, синяки под глазами, множество мелких морщинок на сухом лице. Даже мягкая войлочная тафья – и та была сбита набок на гладко выбритой голове.

– И где все? – не понял Андрей, хорошо помнивший, что хоть несколько бояр из их многочисленной братчины, но завсегда столовались или отдыхали в доме лучшего отцовского товарища.

– А нет, – развел руками государев дьяк, пролив чуток вина. – Были, были, да вдруг все и кончились. Мы ведь, брат, возрастом все чуть не погодками случились. Среди ровесников дружбу заводили. Отец твой тебя в братчину привел, а другие не озаботились. Опосля, как ты государя от покушения спас, столько чести на всех свалилось, что и забыли, как вместе родами держаться надобно. И так славно все сложилось. А кончилось тем, что иные по ранам и немощи, как батюшка твой, вовсе от дел отошли и из поместий носа не кажут. Иные, в избранную тысячу попав, от государя землю поблизости получили и туда после службы стремятся. Да и сам я в хлопотах царских мало кого у себя привечать стал. Вот и вышло вдруг, что нашлось время за стол общий сесть – ан и не с кем оказалось хлеба преломить. Один гуляю, как столб верстовой на перепутье.

– Ломай, – скинув шубу на скамью, сел через угол от него Андрей. – Помогу.

– Бог милостив, послал тебя в ответ на мои печали, – тяжело вздохнул хозяин. – Сказывай, побратим, как Василий Ярославович ныне? Здоров ли, оправился ли после плена басурманского? Как матушка?

– Как отец вернулся, так и повеселела, – кивнул князь. – Отец же в хлопотах. Неурожаи у нас второй год подряд. Да еще и мор случился.

– Как голод из-за неурожая, то за ним завсегда мор случается. А после мора татары приходят. Они что опарыши – мертвечину издалека чувят. Враз прилетают живых добить, мертвых ограбить, – поморщился боярин. – Оттого и побратимы норовят из поместий не выезжать. Смердов сторожат, дабы не разбежались, припасы свои. Ну, и о лете хорошем молебны заказывают. Ты извини, что не угощаю, княже. Братчину еще не принесли, а сам, видишь, не закусываю, токмо пью. Кусок в горло не лезет, вот и нет ничего на столе.

– Что-то ты совсем голову повесил, Иван Юрьевич! – стукнул кулаком по столу Андрей. – Да сказывай же наконец, отчего смурной такой?! Отчего не в приказе? Почему осунулся? О чем думаешь?

– О смуте, княже, – протяжно вздохнув, снова налил бокал боярин Кошкин. – Об измене. О деле тяжком, что в руки брать не хочу, ан чин мой требует.

– Хватит загадки гадать, Иван Юрьевич! – взмолился Андрей. – Говори же ты прямо, что случилось?

– А ты разве не слыхал о беде недавней? – сморщил губы бантиком дьяк Разрядного приказа. – Обоз наш недалече от Орши поляки разорили, пограбили, да еще и людей многих побили, а иных и в плен увели. Двести душ не досчитались, как народ в Полоцк возвернулся. Хорошо, ляхи воровать кинулись, как возки увидали, и гнаться за нашими ратниками не стали. А то без крови бы большой не обошлось.

– Военная удача изменчива, – пожал плечами Андрей. – Случаются и обиды. Но ведь все едино мы ляхов побьем, когда иначе было? Так что не грусти, дружище. Лучше служек своих поторопи. А то в горле и вправду пересохло.

– Какая удача, княже?! – аж передернулся Иван Юрьевич и скривился, словно муху проглотил. – Измена явная, измена. Князь Петр Шуйский без опаски шел с обозом главным, с припасами для всей своей рати, часть которой налегке князя Серебряные из Вязьмы вели. Ан упредил кто-то ляхов и о пути его, и о времени. Схизматики на колонну внезапно из засады свалились, а из детей боярских никто и не исполчился даже, ибо не ждали на сем пути опасности. С того и беда. Люди-то уцелели, а вот припасы все ляхам поганым достались. И снедь, и

зелье, и оружие, и броня. Все. А без припасов, сам понимаешь, воевать нечем. Посему Серебряные полки свои обратно к Вязьме обернули. И до осени, мыслю, новой рати нам уж не снарядить.

– Повезло полякам, – признал Андрей.

– Так ведь и это не все! – жажнул кулаком по столешнице боярин. – Князя нашего Петра Шуйского, завоевателя Дерпта, славного и доблестью, и человеколюбием, ляхи в колодце застреленным нашли и к королю своему на поругание тело увезли. Рази сие не измена, княже? Видно сразу, из близких доверенных его кто-то стрельнул да в колодец тело сбросил, дабы следы душегубства замести. Иначе к чему такие хитрости выдумывать? Вот и смотри, княже: в засаду рать нашу кто-то заманил, воеводу убил, ляхам безбожным планы наши выдал и разорение устроил. Как без измены такое случиться возможно? Только она, проклятушая, все и разъясняет.

– Курбский это! – уверенно отрезал князь Сакульский. – Курбский Андрей. Он предатель, подонок он, каких свет не видывал. Я же еще о прошлом годе предупреждал, что он земле русской изменил и на поляков старается!

– Сбежал князь Курбский. Сбежал паскуда, бросив жену тяжелую и сына на государеву милость! Как известие о беде сей в Москву дошло, он уж из Дерпта со всех ног драпал. Знал и о кровопролитии грядущем, и о том, на кого первого подозрение упадет. – Дьяк государев размахнулся из-за головы со всей немалой силушки, но в последний миг вдруг передумал, пронес хрупкий бокал по широкой дуге и осторожно поставил на стол. – С очередным вздохом закончил: – Удрал...

– Ловить надо было, пока в руках! Я же предупреждал! – продолжал горячиться Андрей.

– Ты упреждал, другие упреждали, сам вилял, прохвост. Да разве всех нахватаешься? – развел руками дьяк.

– Почему всех?! Курбского надо было брать, Курбского!

– Да кабы он один, княже, – вздохнул боярин. – Таковых оговоренных у меня полный сундук грамотами забит. От и разбери, кого хватать, а кого по злему помыслу губят.

– Но ведь Курбский сбежал!

– Да говорю же тебе, Андрей Васильевич, он таковой не один! – тоже повысил голос хозяин дома. – Боярин Колычев тоже удрал, бояре Пухов, Тетерин, Сарохозин. Да чего бояре? Князя Глинский и Береметев убечь пытались, князь Бельский дважды к полякам съехать хотел, князя Фуников, Курлятев... Государь серчал сперва, Курлятева в монастырь сослал, Фуникова туда же. Опосля отошел, помиловал. Прочих же только ругал словами непотребными, клятву новую о верности взял, крест целовать заставил, да поручителей истребовал. Побегли, ровно мыши от кота. А всех ведь, княже, в поруб не загонишь. Кому тогда службу нести, коли все по порубам распиханы? Посему и милостив государь безмерно. Словесами ругает, а кару на непослушных не обрушивает. Бояр Михайло Репнина и Юрия Кашина я заловил, княже. Признались оба прилюдно, что по поручению Андрея Курбского они рать нашу полякам сдали, навели нехристей на православный люд. Так и их государь лишь на покаяние отправил. Хотя, скажу, душегубства на себя бояре брать не стали. Не они воеводу Шуйского, стало быть, смерти предали. Нашлись и иные кровопийцы.

– Подожди, брат, – потрянул головой Андрей. – Как это «душегубства на них нет»?! А люди невинные, что смертью лютой под польскими саблями полегли, – это кто? У них в жилах что, не кровь, а водица текла? Убийцы они самые настоящие! За дело такое на осине им первое место, в петле пеньковой намыленной!

– Может, и место, да ты ведь знаешь государя нашего. Богомолен он и милостив. Простит.

Это была истинная правда. Вот уже тридцать лет сидел Иоанн Васильевич на троне, и до сих пор все еще не пролилось по его приказу ни единой капли крови. Как бы ни провинились подданные царя, чего бы ни натворили – высшей меры наказания он не отмерил никому, ни

во гневе, ни в хорошем настроении, ни в час болезни. Монастырский двор – такова самая страшная кара, что обрушивал он даже на откровенно злобных врагов и душегубов.

– Ты меня к нему проводи, Иван Юрьевич, сделай милость, – попросил князь Сакульский. – Давненько не виделись. Пора и поздороваться.

– Отведу, чего не отвести? – пожал плечами дьяк. – Да токмо ни пиров, ни приемов Иоанн пока не устраивает. Сидит весь в печали, книги читает да иконам в светелке своей молится. Прямо иннок святой, да и только. Эй, кто там есть за дверью?! Вы там заснули все до одного, что ли? Долго нам с гостем братчины ждать?! Давно, вижу, не порол, обленились без хозяйской строгости!

То ли угроза возымела действие, то ли дворян только-только успела управиться с заданием, но дверь во внутренние покои отворилась, и двое паренков лет двенадцати, тяжело ступая, внесли в гулкую трапезную старую, мятую и потертую братчину, когда-то соединившую прочными узами десятки молодых бояр, доволокли ее до хозяина и водрузили на стол. Еще трое подворников шустро расставили вокруг площадки с копчеными пескарями, солеными огурцами и грибами, маслянистый осетровый балык, порезанную толстыми ломтями буженину, капусту с перцем и яблоками.

– Спрячь баловство дурное, – небрежно щелкнул пальцами боярин, и сообразительные мальчуганы, уходя, прихватили вычурную заморскую посуду – и стеклянные бокалы, и бутылки с вытянутыми горлышками, и расписные фарфоровые тарелки. Кошкин же утер темные, с проседью, усы, повел плечами: – Уж и забыл, каково это...

Взявшись за обе ручки, он поднял многолитровую чашу, припал губами к ее краю и стал крупными глотками пить пахнущее можжевельником, густое темное пиво. Пить с такой жадностью, что хмельного напитка в чаше заметно поубавилось. Наконец боярин сломался, опустил братчину обратно и довольно крякнул:

– Хорошо! Не то что водичка заморская!

Он посторонился, уступая место гостю. Князь взялся за ручки тяжелой братчины, с натугой приподнял, качнул к себе, стал глотать чуть горьковатое тяжелое пиво, однако очень скоро понял, что вот-вот прольет изрядное количество на себя и торопливо вернул емкость на стол. Отер усы, наколот ломоть буженины, закусил. Боярин Кошкин, глядя на него, потянулся за балыком, малым ножом отсек себе кусок, перебросил в рот, пальцами зацепил изрядный пук капусты. Андрей споро сжевал несколько пескариков, тоже попробовал жгучей капусты. Пауза явно затягивалась, и чтобы разорвать тишину, князь Сакульский спросил:

– Чего же это они все как с цепи сорвались, к ляхам рванули?

– Как же им не рвануть опосля «вотчинного указа», княже? Люди-то все знатные да богатые. Вот и не удержались.

– Какого еще указа?

– Как «какого»? Нечто ты не знаешь? – изумился дьяк. – Хотя, Андрей Васильевич, как раз ты мог и не знать. Ты ведь, что ни год, все в разъездах пребываешь. Отдыхаешь же на северных окраинах, от наших перемен далече.

– Да что еще за воля такая, Иван Юрьевич? Сказывай уж, не томи. Хватит загадки загадывать.

– Верно не знаешь? – с подозрительной недоверчивостью переспросил дьяк. – Ладно, тогда перескажу. Ты не серчай токмо. Не моя сия прихоть, а указ государев.

– Да ты про указ-то скажешь наконец, Иван Юрьевич, али так и будешь округ да около ходить?

– В общем, аккурат второй год как тому, на Сильвестров день², государь наш Иоанн Васильевич указ земельный подписал о порядке вотчинного владения... – покосился на братчину

² Сильвестров день, он же «куриный праздник», он же день заговаривания от болезней – 15 января. Указ Ивана Грозного

хозяин дома. – Волею своей объявил он о недействительности сделок любых земельных за последние тридцать лет. Все сделки по продаже или скупке уделов государь отменил разом. Вымороченные земли повелел на казну переписать. Наследие дозволил токмо сыновьям боярским и никому боле. А коли нет наследников прямых мужского рода, так земли опять же на казну переписать указал. И коли дочери или жены за минувшие тридцать лет наследницами земель становились, так наследие сие опять же отменяется, а землям к казне отойти должно.

У Андрея по спине пополз неприятный холодок. Он сглотнул, взялся за братчину и надолго припал к ней, заливая острый страх потоками холодного пива.

– Супруга твоя, княгиня Полина, наследство ведь давно уж получила? Так, княже?

– Если бы, – пробормотал он. – Тридцать лет тому ее еще и на свете не было.

Пиво не помогло. Гость почувствовал, что его только сильнее бросило в лихорадочный жар. Ведь он носил гордое имя князя Сакульского отнюдь не по праву рождения. Андрей, уже почти забывший фамилию из далекого туманного будущего – Зверев – по здешнему происхождению был боярином Лисьиным, княжеский же титул получил по праву владения, взяв в жены юную княжну Полину Сакульскую. Вотчинный указ фактически лишал ее, а значит, и Андрея не только карельских земель, но и титула. Больше того – отец Андрея боярин Василий Лисийн из-за поместья своего с князем Друцким много лет судился. А коли так – то и поместье их вполне можно «вымороченным» признать. Значит – тоже в казну?

И кто он получается теперь?

Никто?

Черный смерд?

– Эй, князь! Князь Андрей! Княже! – забеспокоился дьяк Кошкин. – Ты о чем думаешь, Андрей Васильевич? По глазам вижу, не то что-то замыслил. Не надо, Андрей Васильевич, Христом-Богом тебя прошу. Одумайся, княже! Горячиться не надо. Ты за княжество свое не бойся. Ты ведь слуга честный и преданный, от смерти государя уж раз пять спасал. Тебя он не тронет, имения не лишит. Опять же, в землях поволжских, вспомни, тебе удел отрезан. Именным указом царским отрезан. Этого уж никакой силой у тебя не забрать.

– У меня ничего не забрать, – невольно сжалась в кулак рука Андрея. Впервые за много, много лет он начал сомневаться в том, что сделал правильный выбор. Что стоило защищать юного Иоанна от покушений, что нужно было служить ему верой и правдой, давая советы и бросаясь ради него в пекло больших и малых сражений. И закралась в голову вполне даже холодная мысль, что, имея две сотни холопов и несколько пушечных стволов, он вполне способен исправить сделанную ошибку.

– Не горячись, княже, не надо, – снова попросил боярин. – Иоанн справедлив и милостив. Честного слугу отчины лишать не станет.

Зверев сделал глубокий вдох, выдох, снова взялся за братчину, большими глотками истребляя темное хмельное пиво.

– Ну и правильно, – кивнул дьяк. – Ну и хорошо. Переломать все вокруг нетрудно. Труднее целым в ненастные годы уберечь.

– Я ведь не один такой, – оторвавшись от братчины, выдохнул князь. – Иных бояр те же мысли посетят. И зачем только Иоанн все это удумал? Смерть, что ли, хочет раннюю найти?

– Так ведь не без твоих советов обошлось, Андрей Васильевич! – Хозяин дома, насмешливо скривившись, облизнул пескарика, перекинул тощий скелетик на пустое блюдо и откинулся на спинку кресла. – Помнишь, это ведь ты после взятия Казани присоветовал царю избранную тысячу собрать, только ему преданную и послушную. Он так и сделал. Да только землю для них, дабы под рукой были, где нарезать понадобилось? Под Москвой. А откель ее взять в здешней волости? Тут ведь каждая пядь давно поделена. Посему пришлось кое-кому

из рода Шуйского владениями поделиться. Так на том не встало дело-то, княже. Тысяча твоя себя послушностью и храбростью показала и число бояр избранных государь увеличить захотел, дабы и прочие полки в походах ратных местничеством не лаялись. А новым детям боярским земля надобна. И не просто земля, а с крестьянами. Без пахарей земля, сам понимаешь, что есть, что нет ее – все едино. Ан ведь и на сем дело не кончилось. Ты же, дружище, еще и полки огненного боя царя надоумил создавать. И во всей красе показал у Казани, как они дело ратное с успехом творить способны. Ныне сих полков стрелецких уже, почитай, двести сотен ровным счетом выйдет, коли и городских, и обычных вместе сложить. И они тоже не за слово доброе службу несут, им на прокорм земля надобна. Вот так, сотня за сотней, тысяча за тысячей, княже, ан земель свободных на Русь и не осталось давно.

– Как же не осталось? А Казанское ханство, а Астраханское? Мы же столько земель на минувшие годы освободили!

– Ты еще Ливонию припомни, Андрей Васильевич... – Кошкин ненадолго приложился к братчине, утерся рукавом, продолжил: – Кто на землях тамошних жил, с радостью превеликой государю присягнули и службу несут. Посему на их владения никого не посадишь, они долг ратный со своих чатей и сами исполняют. Опять же, земли большей частью взяли невозделанные. У черемисов – лес сплошной. Все ханство Астраханское – одна степь. Что с них боярским детям толку? Не прокормят. Там не одно поколение смердов потрудиться должно, прежде чем земля хлеб давать начнет. Да и опасно на южном порубежье, сам знаешь. Округ крепостей заложных смерды обживать начинают потихоньку... Но от податей ныне все там освобождены, да еще и подъемные от казны получают по пять рублей на соху. Когда еще там хозяйства крепкие появятся? Сколько лет пройдет? А кормления прямо сейчас нужны! Вот прям сегодня и потребно новиков на земли сажать, дабы к новой зиме они в строй встать могли. Не будет земли – двух-трех тысяч детей боярских в рати не досчитаем. Ну, и что присоветуешь? Где еще, кроме как у вотчинников старых, землю нам для новиков найти? Тем паче, сам понимаешь, зуб на них за истерзанное детство у государя на них остался.

– Зуб, – хмыкнул Андрей. – Тут зубом не обойдешься. Это получается... Ну, никак не меньше половины боярских вотчин в казну попадают. Кто продал, кто купил, у кого по женской линии наследование случилось. Это же...

И он опять потянулся к братчине, заливая страшные мысли.

Андрей, так получилось, на себя шкуру всех этих бояр только что примерил. И немалое желание испытал сделать государю Иоанну Васильевичу больно. И это он, который пока еще ничего потерять не успел. И под рукой у него всего две сотни холопов. А между тем он среди знатных людей отнюдь не богатей. Те же князья Воротынский, Стародубский или Шуйский в походы ратные по две-три тысячи детей боярских выводили. Целое воинство! Да о чем говорить, если русская армия по сути и состояла из собранных вместе этих самых ополчений? И Иоанн сейчас находился в положении генерала, которому желает смерти весь старший и средний командный состав вместе с преданными им подразделениями...

– Как же они до сих пор Иоанна не скинули? – вслух удивился он.

– Твой же совет и спасает, княже, – пользуясь передышкой Андрея, взялся за братчину боярин. – Избранная тысяча твоя ноне числом уж больше двухсот сотен будет, да стрельцы тоже у государя под рукой. Сила изрядная да преданная. Через нее так просто не пробиться будет.

– Вот, проклятье! – с силой потер виски Андрей.

Он начал понимать, что Русь прямо сейчас, в эти самые мгновения балансирует на грани гражданской войны. Накопивший за десятилетие власти силу Иоанн с одной стороны, и знатные боярские роды – с другой. Избранные тысячи и стрельцы у государя – и поместное боярское ополчение у знатных родов. И только чудом они все еще не вцепились друг в друга. Не

хватало всего лишь какой-то мелочи, чтобы толкнуть одну из сторон на первый шаг. Случайности, повода, сигнала. И начнется битва.

– То-то я смотрю, Москва притихла. Опустела как-то, затаилась. Ни саней тройками никто не гоняет, ни ватаги верховые не носятся. Думал, из-за недорода люд разбежался.

– Люд? Может быть, – пожал плечами дьяк. – А вот бояре думные да князья родовитые – кто оказии ищет в Польшу удрать, а кто волком глядит. Мне ведь сторожить их приходится, что цепному псу. Они же, коли сбежать не получается, здесь изо всех сил гадят. Погром последний тому пример. И рать нашу предали, и государя, и веру, и людей бросили схизматикам на муку. Ничего святого не осталось.

– Чего же они бегут? – не понял Андрей. – Нравится не нравится, а имение-то все едино здесь. Доход с него, люди с него. Удерешь – гол как сокол останешься.

– Видать, намерены вернуться... – многозначительно приподнял брови боярин Кошкин.

Уточнять, как именно он не стал. И без того было ясно, что сбежавшие бояре уж никак не с покаянием идти обратно собирались. Они хотели возвратиться вместе с чужой армией, на чужих копьях и жить здесь под рукой совсем другого правителя.

«Война, – снова шевельнулось в голове князя нехорошее предчувствие. – Гражданская война. Свои против своих, русские против русских. Правда на правду, честь против справедливости. Русская кровь зальет земли, насыщая жадных и злобных чужаков».

И он опять взялся за тяжелую потертую чашу. Разум говорил ему о накатывающейся беде, а память услужливо напоминала о пророчестве мудрого Лютобора, уверенного в грядущей гибели всей русской земли. Настолько уверенного, что чародей назначил себе смерть на ближние годы – дабы не увидеть всего этого ужаса. С тех пор, как Андрей Зверев, тогда еще даже не новик при отце, познакомился с волхвом, прошло полтора десятка лет. Ровно столько же оставалось и до исполнения проклятия. Было о чем задуматься...

Андрей отхлебнул еще презрительно пива – и вдруг заметил, что за шокирующими вестями и тяжелыми думами они с дьяком Кошкиным на двоих исхитрились выпить, почитай, половину братчины. Никак не меньше ведра вполне даже доброго хмельного напитка. Во времена прежних пирушек этого количества хватало куда как на большее количество гостей.

Впрочем, во времена прежних пирушек одним только пивом бояре отнюдь не ограничивались.

– Бог милостив, – тряхнул головой князь, пытаюсь выбраться из путающего мысли опьянения, подкравшегося так медленно, что он и не понял, с какого момента разум стал уже не столь ясным, а выводы – путанными и противоречивыми. – Бог милостив, и государя нашего в обиду не даст! С ним же и Русь выстоит, не пропадет.

– Слова истинного слуги! – внезапно громко поддержал его кто-то от дверей. – И не хотелось сегодня наказ государев на винопитие нарушать, да как же тоста такого не поддержать! Что скажешь, Иван Юрьевич? Поднесешь гостям по чарке ради такого случая?

– Это еще кто таков, на угощение в чужом пиру напрашивается? – Настроение у Андрея было не лучшим, и он грозно поднялся, готовый встретить отпор и скинуть злость и тревогу в хорошей схватке.

В трапезную тем временем входили и входили добротнo одетые бояре в зипунах, ярких цветастых кафтанах и даже халатах, крытых поверху шелком. Молодые, крепкие, опоясанные саблями, в горлатных и собольих шапках. Бороды и усы почти у всех только угадывались.

– А ты сам кто таков, заместо хозяина гостям отвечать? – расставил ноги самый низкорослый из всех, похожий на лесной сосновый пенек: неказистый, рябой и лупоглазый, но крепкий и устойчивый.

– Я, боярин, всегда ответ держать готов. Убедиться хочешь, али так поверишь?

– Подожди, подожди, Андрей Васильевич! – вскинулся Кошкин. – То люди добрые, верные слуги государевы! Из той самой тысячи избранной, что ты царю присоветовал.

– Ой ли, Иван Юрьевич? – усомнился князь. – Ни единого лица знакомого нет!

– Дык сколько лет прошло, Андрей Васильевич! Бояре, что с тобой к государю пришли, уж на отдыхе достойном давно, они же отцу твоему возрастом ровня!

– Так мы речи вести станем али длиной сабель мериться? – нетерпеливо переспросил коротышка.

– Не бойсь, сейчас я тебя укорочу, – покачиваясь, стал выбираться из-за стола Андрей. – За мной не заржавеет.

– Столы раздвиньте, други! – Коротышка расстегнул пояс, скинул кафтан.

– Какие столы? – покачал головой князь. – Без глупостей. Трапезную ломать и кровянить не станем. Нам же тебя тут еще поминать! На двор пошли.

– Какой двор, бояре?! – совсем растерялся хозяин дома. – О чем спор ведете?! Опомнитесь! Вы же вместе за здоровье Иоанна Васильевича пить хотели! Вы же слуги первые царские! А это князь Сакульский, что государя уже не раз от заговоров и покушений спасал!

– Андрей Васильевич, ты? – Из-за спин молодых людей протолкался вперед голубоглазый скуластый мужчина в ферязи с длинными рукавами, в шитой золотом тафье и с широкой, рыжей с проседью бородой, раскрыл объятия: – Сто лет не видел!

Лицо показалось знакомым, но где именно он встречал этого человека, Зверев вспомнить никак не мог.

– Казань, княже! Мы у Михайло Воротынского в одном шатре сидели, а потом вылазка случилась. Ты меня от пики татарской бердышом прикрыл, опосля к пищалям своим побег, и я следом. Мы там чуть не полдня в яме рубились, пока боярские дети ногайцев обратно в ворота не загнали!

Этого конкретного эпизода Андрей вспомнить не смог, но вот имя человека вдруг всплыло в памяти, и он крепко сжал воина в объятиях:

– Алексей Данилович! Боярин Басманов! Как же я тебя не узнал сразу?! Рад, рад! Вижу, в здравии. Да-а, славно, славно мы под Казанью повеселились. А ты, слышал, у Судьбищенской деревеньки под рукой Ивана Шереметьева супротив крымчаков отличился? Немало о той сече по Москве рассказывали.

– Передовой полк я там водил, – не преминул похвастаться немалой честью боярин. – А татар супротив нас всего десять на каждого стояло. За три дня всех побили, кто убежать не успел. Но и добра, скажу тебе, княже, преизрядно с басурман взяли. В шелках и коврах самый последний стрелец укутаться мог.

– Удачно сходили, поздравляю!

– Обожди, княже, – закрутил головой боярин, притянул одного из молодых детей боярских, круглолицего, с выбивающимся из-под края бобровой пилотки лихим кудрявым чубом: – Вот, младший мой, Федор. Прошу любить и жаловать. А это старший... Петр, сюда иди! Поклонись князю Сакульскому, другу верному нашего князя Михайлы.

Старший сын Басманова был чуть выше младшего и весьма схож лицом. Правда, чуба из-под шапки не выпускал. У Андрея мелькнуло в голове спросить, по какому поводу у Басмановых траур? Но пока он раздумывал, боярин уже начал представлять других опричников:

– Это, княже, бояре Пятой Батюшков, Митька да Меркур Безобразовы, соседи наши рязанские. Ждан и Юрий братья Богдановы, Лашук Кузьмин. Ноган Разгилеев из Твери, но бояре верные и храбрые, Шибанко Саткин калужский будет, Гришка Скуратов кличкой Малюта из Коломны. С ними мы здесь сдружились, с чистой душой тебе в слуги присоветовать могу. Люди наши, царю всеми помыслами преданы.

Остальные лица смешались перед Зверевым в общую улыбчивую картинку, хотя Малюту Скуратова он, понятно, вниманием обойти не смог. Но задержал взгляд ненадолго, хмыкнул и хлопнул по плечу:

– Уже убедился. Храбр. Ладно, сабли на татарах мерить станем. Здесь же кубками померимся.

– Да! Любо князю Сакульскому! – обрадовались гости. – Любо боярину Ивану Юрьевичу! Государю нашему любо!!!

– К столу прошу, бояре. Попотчуйтесь, чем бог послал. – Дьяк с явным облегчением перевел дух, дворня уже шастала по залу, вынося кружки и кувшины, убирая братчину и блюда, что стояли рядом. Для новых гостей были принесены капуста, огурцы, грибы, копченые окуни. Правда, вместо своего, самоварного пива в кувшинах на столах было выставлено вино. Пусть самое простое, рейнское – но все же куда дороже простой хмельной браги.

Хотя, с другой стороны, пиво для братчины – вещь святая. А вино – это просто вино.

– За здоровье собирателя нашего, славного боярина Ивана Кошкина! – поднял полную кружку старший Басманов.

– За здоровье государя нашего, Иоанна Васильевича! – ответил встречным тостом Иван Юрьевич.

– Ох, узнает о сем государь, быть всем поротым, – тихо констатировал оказавшийся за столом неподалеку Гришка Скуратов.

– С какой стати? – не понял Андрей.

– Не любит царь пьяных, ох, не любит, – с тоской глянул в кружку Малюта. – Требуется, чтобы при дворе его все трезвыми были. И на пирах даже ни капли не употребляет.

– Государь мудр, – согласно кивнул князь и опрокинул в себя кружку кислого вина. – И он совершенно прав.

– Коли так, почему пьешь, Андрей Васильевич? – весело поинтересовался Андрей Данилович Басманов. – Отчего в трезвости не пребываешь?

– Да я бы запросто, – невольно зевнул Андрей. – Но плоть слаба. Не всем же столь твердыми духом пребывать, как Иоанн.

– Княже, а правду сказывают, что ты колдовством балуешься? – полушепотом поинтересовался Малюта.

– Колдовство, колдовство, – опять зевнул Андрей, борясь с напирющим на разум хмелем. – Почему сразу колдовство? Просто знание древнее. Мудрость предков наших.

– Чародеев темных... – перекрестился кто-то из молодых бояр.

– Волхвов древних, что богов своих за землю русскую молили, – поправил его Андрей.

– Не боишься в волховании признаться, Андрей Васильевич? – уже не так весело спросил боярин Басманов.

– А чего мне бояться? Царь за меня на это в обиде не будет. Я ведь не против него колдую, а для защиты его от напастей. И пару раз в этом преуспел, от покушения и чародейства спасал. Бог христианский тоже не обижается. Я службы посещаю исправно, серебро на храмы даю, к исповеди подхожу, в грехах каюсь. Иисус милостив, он простит. Чего мне беспокоиться? Ни на земле, ни на небе я никого не предаю, не обманываю.

– Тебе, сказывают, все грядущее ведомо? – Это уже проявил любопытство Федор Басманов.

– А и ведомо, что с того? – тяжело ответил Андрей. – Его ведь поправить можно, коли прознал. Гибель Иоанна юного я увидел? Исправил. Свою увидел? Исправил. Как же его проклятое проведать, коли оно все исправляется да исправляется...

Князь Сакульский почувствовал, что голова стала уж вовсе неимоверно тяжелой, выставил локти и оперся подбородком на них. Глаза моментально закрылись помимо его воли.

– А в мое будущее заглянуть можешь? А государя? А князя нашего?

– Могу, – тихо признал Андрей. – Но не так просто все... Полороло... Зар-раза... полоть нужна. Ну, пот там, волосы, ногти, еще чего... Тогда свеча и пр-р... Пур... Ну, можно смотреть.

Язык тоже постепенно отказывался ему подчиняться. Огромным усилием воли князь Сакульский взял себя в руки и, чтобы взбодриться, выпил еще кружку холодного и кислого рейнского вина.

– Храбрый ты воин, Алексей Данилович! – похвалил он боярина Басманова. – Коли сыновья в тебя...

...Проснулся князь на широком, но коротковатом подоконнике. Чтобы на нем поместиться, Андрею пришлось скрючиться и поджать колени. Однако под головой лежала аккуратно сложенная ферязь, у живота – шапка. Похоже, ложился сам. Вряд ли дети боярские, относя сомлевшего князя от стола, стали бы так с одеждой его стараться. Скомкали бы, сунули под ухо – и ладно. Однако как он укладывался и что делал перед этим, князь, хоть убей, не помнил.

– Надеюсь, лишнего ничего не сболтнул, – пробормотал он, усаживаясь. – Хотя, даже если и сболтнул... Дурного против царя у меня в помыслах нет, а про то, что я колдун, да еще и из будущего свалился, все равно никто не поверит.

Пир между тем продолжался обычным чередом: некоторые бояре спали – кто на скамьях, а кто и сидя, упершись лбом в столешницу; другие продолжали шумно обсуждать недавнюю соколиную охоту, запивая воспоминания вином и пивом, закусывая немудреными соленьями. Боярин Кошкин величаво посапывал в кресле, временами подергивая плечом и каким-то непостижимым образом не роняя поставленный на подлокотник кубок.

– Андрей Васильевич! – тут же заметили его пробуждение боярские дети. – Мы уж заждались здравницы твоей. Все обещался за Алексея Даниловича полный рог осушить, да с тем к окну и ушел.

– Я бы и испил, – с трудом двинул в пересохшем рту деревянным языком князь, – рейнского освежающего. Да найдется ли рог в доме у хозяина?

– Так уже нашелся, княже, – с готовностью дотянулся почти до хозяйского края Малюта. – Боярин Иван Юрьевич специально для тебя велел принести.

И действительно, возле серебряного кувшина возвышался самый настоящий коровий рог. Но не просто костяшка, а оправленный в золото: с широким, с отворотом, золотым краем, с кончиком в виде крохотной крепостной башенки. Опирался он на крылья приземистого грифона, расставившего лапы и грозно сверкающего рубиновыми глазами.

– Наливай, – хрипло согласился Андрей. Он предпочел бы глоток обычной родниковой воды, но такого редкостного лакомства к пиршественному столу никто не выносил. Боярский сын Скуратов дважды просить себя не заставил, моментом наполнил рог до самой верхней круговой каемочки, поднял двумя руками и поднес князю Сакульскому.

– Боярина, боярина разбудите! – засуетились на другой стороне стола.

– Отец! – потряс за плечо дремлющего Басманова Федор. – Отец, княже здравицу тебе сказать желает.

– Кто? Что? – вскинул голову боярин.

– Здрав будь, Алексей Данилович! – поднял перед собой рог Андрей. – Знаю тебя давно! Мужество великое ты проявлял не раз, землю русскую защищая. Ты отвагою своей немало сделал для освобождения Казани от пришельцев ногайских, твоя отвага помогла освободить Полоцк от поганых схизматиков, ты грудью встал на пути разбойников басурманских, не побоявшись числа их великого. На таких, как ты, на преданности и крови твоей свобода всей земли нашей держится. Такие, как ты, есть главная сила государева и опора веры нашей православной. Посему честь тебе, хвала и слава, Алексей Данилович! И долгие тебе лета во благо Руси и славы царской! Любо боярину Басманову!

И Андрей жадно прильнул к прохладной, чуть кисловатой, освежающей жидкости.

– Любо! Любо! – восторженно подхватили здравицу молодые бояре. – Любо боярину Алексею Даниловичу! Любо князю Сакульскому, любо!

Басманов старший тоже поднял свой кубок, отпил, поставил обратно:

– Благодарствую на слове добром, Андрей Васильевич, благодарствую, – кивнул он. – Уж не знаю, как и отблагодарить.

Князь крупными глотками допил вино, поставил кубок на стол, облегченно выдохнул:

– К чему благодарности? Я ведь правду истинную сказал, от всей души. Это всего лишь слова... Хотя, прямо скажем, слово доброе иной раз жизнь перевернуть способно, – придвинул к себе миску с грибами Андрей. – Я вот друга нашего общего ныне вспоминаю, князя Михайло Воротынского. Хочу за него государю поклониться. Храбрый ведь воин и воевода умелый. А прозябает за стенами монастырскими, ровно старец немощный. Нехорошо.

– Князь Воротынский? – Старший Басманов замялся. – Заступить за него хочешь?

– Князь Михайло, помнится, за меня еще после первой моей стычки поручился, дабы в новики записали. Разве такое забывают? И за государя он же вступился, за волю царскую, когда тот немощным от порчи лежал. Пусть и Иоанн тоже сие деяние вспомнит.

– В печали ныне Иоанн Васильевич, – взялся за кубок боярин. – Конфуз зело изрядный при Улле случился наемдни. Знамо, измена приключилась. Корни же сей смуты к князю Старицкому тянутся.

– Ну и что? – не понял Андрей. – При чем тут князь Михайло? Старицкий из гнезда новгородского. Новгород же себя Ганзой по старой памяти числит. Не подчинения, а власти жаждет. Права Магдебургского³.

– Так ведь князь Михайло у Старицкого в друзьях близких...

– А хоть бы и так! Он у Старицкого, я у Воротынского другом себя считаю. Да и ты, Алексей Данилович, мыслю, тоже. Что же теперь, всех скопом в ссылку отправлять? Когда воеводу Петра Шуйского выродки наши ляхам предавали, князь Михайло уж не первый год в Кирилло-Белозерском монастыре маялся. Так какие на него подозрения?

– Отказываться от дружбы с князем Михайло не стану, – решительно бухнул кубком по столу боярин Басманов. – Однако же ныне царь наш в молитвах и печали после измены вскрывшейся пребывает. На бояр Репнина и Кашина епитимью наложил, покаяния требует. Ничто его не радует, ничто ему не по нраву. Не ко времени о милостях его просить.

– Так я ему всегда не по нраву случался, Алексей Данилович, – усмехнулся Андрей. – Как-нибудь и это недовольство переживу. Недосуг мне доброго настроения от Иоанна ждать, без того хлопот в избытке. Как Иван Юрьевич к нему соберется, так и я вместе с ним отправлюсь. С государевым дьяком меня никто остановить не посмеет.

– Тебя и так никто тронуть не рискнет, Андрей Васильевич! – прямо таки изумился старший Басманов. – Так, други?

– Знамо дело, княже! Кто же не знает тебя, Андрей Васильевич? Ведаем, человек ты царю близкий, – разногласо подтвердили боярские дети.

– Помню, еще два года тому указывалось тебя без спросу пропускать в любое время, – добавил боярин. – И иных повелений боле не случалось.

– Да? – удивился Зверев. – Думал, забыли все про то давно.

– На царской службе ничего не забывается, Андрей Васильевич. Ни плохое, ни доброе, – задумчиво сообщил старший Басманов. – Эх, была не была, не забуду и соседку! Коли завтра придешь, с тобой вместе за Михайло Воротынского царю поклонюсь. По наряду мне акку-

³ Магдебургское право – сложилось в XIII в. в немецком городе Магдебург как феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное состояние горожан регулировались собственной системой юридических норм. Имело широкое распространение вплоть до конца XVII века. Фактически выводил город из-под юрисдикции государства, в котором он находится, ограничивая все обязанности выплатой оговоренной денежной суммы.

рат завтра рындами командовать. Вместе пойдем, вместе просить станем. Бог даст, смилуется государь над князем.

– Завтра? – Зверев потер потный лоб. – А получится завтра-то? После такого пира отлежаться бы денек не мешало.

– Прости, княже, но я опосля в вотчину свою испросился отъехать. Потому как поход супротив Польши сорвался и люди ратные ныне в большом числе не потребны. В поместье же, княже, уж два года земля не родит, смерды лебеду и кору ивовую жрут, а иные и пухнут с голодухи. Проследить надобно. Подъемные дать, у кого хлеба посевного не найдется, недоимки простить, успокоить. Однако же не расхолаживать.

– Знаю, – вздохнул Зверев. – И у меня та же беда.

– Так я к Ивану Юрьевичу затем и приехал. На отъезд испроситься. Он мне позволил... Ты, княже, в то время прикемарить изволил. Завтра стражу отстою, да и в путь собираться надобно.

– Завтра... – Андрей крепко сжал веки, снова открыл глаза, тряхнул головой. Мысли все еще оставались тягучими и путанными, его снова потянуло в сон. – Коли завтра, то надобно идти, бумаги распаковывать и рухлядь проверять. Прощения прошу, бояре, но ныне мне двигаться надобно. Иначе не управлюсь. Мой поклон Ивану Юрьевичу передайте, как отдохнет. Хорошо вам попить...

* * *

Боярин Алексей Басманов не просто сдержал обещание, но и перевыполнил его: встретил перед крыльцом, провел через весь дворец наверх, в царские покои, и вошел следом, готовый, если нужно, поддержать словом или делом.

Скромный закуток, в котором царь Иоанн Васильевич занимался государственными делами, мало изменился с тех пор, как князь Сакульский побывал здесь лет десять тому назад. Ничем не украшенные бревенчатые стены, крохотные окошки, забранные слюдой. Правда, светелка справа от входа с печью и пюпитром на этот раз пустовала. Властитель всея Руси все же перебрался в комнату чуть поболее. Ту самую, в которой раньше занимались бумажной волокитой ныне уволенные Сильвестр с дьяком Адашевым. Но даже на эту роскошь, как понимал Зверев, Иоанна сподвигло не желание получить себе больше места, а то, что приказ, разбирающий челобитные, переехал в новый просторный дом в два жилья, срубленный возле Разрядного приказа. И комнатенка стала пустовать.

Государь с момента прошлой встречи слегка спал лицом, но ростом и широкими плечами оставался могуч. Одень его в кольчугу или хоть шубу яркую, да мечом опоясай – грозен был бы и устрашающ. Однако правитель всем одеждам предпочитал монашескую рясу и клобук, скрадывающие и стать его, и силу.

– Князь Андрей Васильевич? – скривив губы, покачал головой Иоанн и уселся в широкое деревянное кресло, потемневшее от времени. – Неисповедимы пути господни. Я молюсь ему о милости, он же посылает мне бесовское порождение, чародея и искусителя. Видно, мало я прошел испытаний, надлежит еще одно одолеть. Ну, сказывай, княже, зачем пришел?

– Любопытно мне стало, государь – поставив на стол возле кресла скромный вологодский сундучок, обитый по углам железом, Зверев полез в поясную сумку за ключом, – отчего ты предателей и ворогов своих завсегда прощаешь и жалеешь, а друзей и слуг верных пытаешь и наказываешь?

– Знамо дело, здравицы от князя Сакульского мне не дожждаться, – ничуть не удивился Иоанн. – Токмо попреки.

– Зачем тебе моя здравица, государь? – открыл шкатулку Андрей. – Жизнь твою я, когда могу, спасаю, поручения исполняю исправно, о благе земли русской пекусь неустанно. А слова – это что? Пустой ветер. Занавеска колыхнется, вот и вся польза.

– Так и я тебя, княже, в порубе ведь не томлю, – покачал головой царь. – Землей и серебром награждаю, кары своей не обрушиваю. Хоть ты и нехристь, колдун и слуга бесовской, однако же за то с тебя Господь вседержитель испросит. А долг земной ты исполняешь справно, по делам и награда. Нечем тебе меня попрекнуть, Андрей Васильевич. Я свой долг пред Богом и людьми исполняю честно.

– Я заметил, – кивнул Зверев. – Боярина верного и преданного, что в трудную минуту чуть не един на твою сторону встал, ты в ссылке томишь, тех же, кто предал, о совести и чести забыв, кто на смерть лютую своих товарищей обрек – тех ты жалеешь и милуешь.

– За поручителя своего, князя Воротынского хлопочешь? – моментально раскусил гостя Иоанн. – Так он, Андрей Васильевич, в заговоре супротив жизни моей участие принимал, и в том сам же пред образом Казанской пресвятой богоматери и покаялся. – Царь осенил себя широким знамением. – Посему не каре я его подверг, как ты тут вещаешь, а на покаяние отправил. Не в келью тесную монастыря нищего и забытого, а в самую святую землю, в монастырь святого Кирилла Белозерского. В ту обитель, в коей отец мой и мать о рождении моем молились. В ту обитель, в кою я и сам паломничеством нередко хожу, грехи свои невольные отмаливая. Али, мыслишь, монастырь, которому государи земли православной за честь поклониться считают, князя Воротынского недостоин будет?

Такой отповеди Зверев не ожидал. Для него ссылка друга была именно ссылкой. И тот нюанс, что отмаливать грех Михайло Воротынского отправили во всемирно знаменитую святую обитель, куда и сам царь, и родители его, и деды и прадеды в паломничество отправлялись, – как-то прошел мимо его внимания. Получалось – даже наказанием своим государь князя вровень с собой ставил. И что тут можно возразить? Не попрекать, благодарить надобно. И князь Сакульский низко склонил голову:

– За то тебе, государь, поклон и благодарность. Лучшего полководца земли русской от верной гибели схоронил, от опасностей ратных спрятал, вровень с предателями бережешь. Нет большей радости в царствии твоём, чем подонком гнусным оказаться. Предателей здесь холят и лелеют, честных же в землю сырую кладут.

– Ты язык-то укороти! – Иоанн с силой хлопнул ладонями по подлокотникам, вскочил. В этот раз сдержат гнев ему не удалось. – С царем говоришь!

– А что ты мне сделаешь, Иоанн Васильевич? – изобразил наглую кривую ухмылку Зверев. – Молиться отправишь? Пальчиком погрозишь? Чего тебя бояться, государь, коли подонков ты не наказываешь, предателей прощаешь, убийц холишь и лелеешь? Вон, князь Петр Шуйский служил тебе верой и правдой. Нонеча труп хладный князя в землю закопали. Князя Палецкие для тебя живота не жалели. Теперь они трупы. Боярин Очин-Плещеев тебе предан был? Он мертв. Боярин Охлябин честен был? Убили Охлябина⁴. То ли дело в предатели заделаться. Бояре Репнин и Кашин предали, рать русскую под польские пушки привели? Теперь в теплых кельях монастырским медом брюхо наливают. Князь Курбский и вовсе при дворе польском новыми жалованными поместьями да золотом королевским хвастается. Чем у предателей не жизнь? А, государь? – Андрей сделал шаг вперед, почти в упор глядя в глаза царя. – Али не упреждал я тебя о предательстве князя Курбского? Али не говорил, что с поляками уродец этот сносится и на польское золото кутит? А ты его не тронул! Ну, и на ком теперь кровь?

Князь Сакульский отступил, небрежно отмахнулся:

⁴ На самом деле бояре Охлябин и Очин-Плещеев попали в плен. Но на тот момент в Москве об этом еще не знали.

– Теперь гневайся, государь. Что мне твой гнев? Коли служить тебе, так ведь ты под стрелы татарские, али ядра схизматиков погибать отправишь, да еще устами предателей упродишь, как убить меня проще получится. Опала же твоя суть покой и безопасность.

– Ты снова искушаешь меня на грех, порожденье дьявола, – зло прищурился Иоанн. – Вижу, умереть готов, лишь бы во грех смертоубийства меня ввести.

– Ты помазан на царствие, государь, уже семнадцать лет⁵, – напомнил Зверев. – И за все семнадцать лет ты не казнил ни единого преступника, сколь ни страшны были его прегрешения. Так что и меня не тронешь. Не страшно.

– Ты отказываешься мне служить, бесовское порожденье?

– Я земле русской служу, а не тебе, – твердо отрезал Зверев. – Твои же приказы исполняю лишь оттого, что помазанник ты божий в моей отчизне. Иначе бы и близко не подошел. Тяжко, Иоанн, в сечу смертную идти, сомневаясь в том, кто тебя на окровавленные копья посылает. И точит, точит душу червь искушения, шепчет в ухо: предай, предай! Предай, и будешь в чести и уважении. Предай, и живым останешься. Предай, зачем зря умирать? Государь все едино из страданий твоих добра и чести для земли русской не сотворит.

– Вот как? – Иоанн неожиданно расслабился и даже не сел, а развалился в кресле. – А помнишь ли ты, княже, что за княжество я от боярской вольницы принял? Семнадцать лет тому татары под Тулой, Нижним Новгородом и Рязанью бесчинствовали. Семнадцать лет тому купцы за право в Персию али Царьград проплыть мыт и Казанским ханам, и Астраханским платили, невольники русские сотнями тысяч у басурман под ярмом томились. Ноне же пределы русские лишь море Персидское и горы Кавказские ограничивают, Сибирь на верность присягнула, ногайцы подати с исправностью платят и в русских ратях службу несут. Невольники свободу обрели, купцы русские открытый путь получили – что на юг, что на закат, что на север. Вот каковы мои семнадцать лет получились. Не кровью подданных отмечены, а радостью их, свободой и землями новыми. И ты сказываешь, от меня добра земле русской нет?

– Святую истину речешь, – признал Андрей. – За дела великие честь тебе, хвала и слава. Да только брюхо добра не помнит. Вчера досыта набил, ныне же опять жратву требует. Потому и спрос с тебя прежний, без скидок за достижения. Скажи мне, государь, ответ слуге не преданному, но честному. Скажи мне, повелитель: почему в царствии твоём люди честные, живот свой ради приказов твоих не жалеющие, в землю сырую ложатся, а предатели живут и здравствуют?

– Бояре Репнин и Кашин по указу моему в кельях монастырских грех свой замаливают!

– Нечто келья монастырская страшнее могилы ныне стала, государь? Скажи мне еще раз, чтобы понять я мог волю твою и желания, государь: почему живут и здравствуют те, по чьей вине больше ста людей русских смерть в чужих лесах приняли?

– Караю по мере власти своей, князь Андрей Васильевич, – хлопнул правой ладонью по подлокотнику Иоанн. – Земли в казну отпишу, имущество заберу, самих в келью на молитву поставлю. Душа же человеческая токмо Богу, не мне принадлежит. Не я им жизнь давал, не мне и забирать. Грех смертоубийства на совесть свою брать не желаю. Казнить никого не стану. Мое царствие без крови пройдет. Такое мое слово!

– А просьбу мою нижайшую исполнишь, государь? – опять поклонился правителю всея Руси Зверев.

– Что за милости ищешь, Андрей Васильевич? – настороженно пригладил короткую бородку царь. – Сказывай.

– Собери у крыльца своего вдов тех детей боярских, что животы свои в лесу у Уллы сложили, маленьких сирот собери. И скажи, в глаза их гляючи, что жизнь отцов и мужей их не так уж и важна в сравнении с жизнью предателей, что воинов на смерть обрекли. И потому

⁵ До венчания на царство в 1547 году Иоанн Грозный считался Великим Князем – с 1533 г.

предатели жить в покое и сытости останутся. А до ратников сгинувших твоей совести дела нет, они души твоей не пятнают.

– Опять за свое! – выпрямился в кресле царь. – Кровью замарать меня хочешь? Не будет сего! Смертоубийство есть грех страшный, и черты сей я не переступлю!

– Не хочешь сам, мне отдай, – пожав плечами, предложил Зверев. – Я ради свободы людей русских уж не одну сотню басурман, ляхов и прочих схизматиков порубить успел. И эту погань придавлю, глаз не сморгнет. Твари, своих единоверцев и товарищей врагу предающие – хуже любого басурманина. Задавлю, и даже к исповеди не пойду, ибо греха на том не почувствую.

– Вот он! – вскинул голову Иоанн. – Вот он, искус твой, бесовское отродье! – Царь медленно поднялся, обличающее вытянул руку, ткнув пальцем Андрею чуть не в самый глаз. – Коли отдам я бояр в руки твои, зная о деянии тобой задуманном, так, стало быть, сим воля моя на смертоубийство проявится. И грех сей на душу мою ляжет!

– Грех, грех, грех! – не выдержал Зверев. – Плевать всем на твой грех! Души умерших, слезы вдов и детей вопят к тебе об отмщении! Жить должны честные люди, а не подонки, неужели непонятно это тебе в твоей святости?! И лишь в твоей воле карать гаденышей для спокойствия честных. Плевать всем на твою душу! Ты на царствие русское самим Богом помазан не душу свою беречь, а души миллионов подданных своих. И если для блага тысяч твою одну душу в грязь втоптать надобно, ты сие сделать обязан без промедления! Ибо ты есть царь, а не они. И ты за них, за них, не за себя перед Богом в ответе! А чистеньким хочешь остаться – так лучше в монахи постригись! И тебе радость, и люди зазря гибнуть не станут. Ты хоть понимаешь, что каждый живой предатель в сотню погибших людей при каждом походе выходит? Хотя, – Андрей с трудом сдержался, чтобы не сплунуть: – Что тебе чужие души православные? Ты ведь свою спасаешь!

Он развернулся, чтобы выйти, но в последний момент спохватился, что приходил совсем с другой целью, крутанулся к сундучку, выдернул оттуда толстенную стопку бумаги и тяжело жажнул о стол:

– Вот, держи! Опальный князь Воротынский, в келье своей пребывая, без дум о благе царском обойтись не смог и трактат составил об искусстве стражи крепостной и порубежной. Авось, кому из еще не погубленных и пригодится. Но князя ты, государь, из ссылки лучше не выпускай. Он ведь вояка храбрый, умный и честный. Не предатель. Пусть лучше в монастыре сидит. Хоть жив останется!

Зверев издевательски изобразил нечто похожее на глубокий дамский книксен, развернулся и, бодро насвистывая, вышел за дверь. Здесь, как ни странно, было тесно – за дверью собралось не меньше десятка молодых опричников. Боярские дети, молча переглядываясь, попятились к стенам, освободили проход.

– Привет, Федя! – Узнав среди них младшего Басманова, Андрей мимоходом хлопнул парня по плечу и отправился к лестнице. За спиной неуверенно перешептывались опричники. Видимо, гадали: хватать шумного гостя или нет. Но приказа «вязать!» из-за двери так и не прозвучало.

Рязанская пирушка

В ворота постучались на рассвете. Андрей, Варин сын, как раз бывший на дворе, догадался поперва заскочить на крыльцо, крикнуть внутрь дома, что гости какие-то заявились, а уж потом побежал отворять ворота. За ними оказался боярин Алексей Басманов в сопровождении малорослого, блекло одетого холопа. Гость степенно, не торопясь, спустился с седла, широко перекрестился на надвратную икону, поклонился, снова перекрестился, забормотал неслышную издалека молитву – однако же, по обычаю, сие должна была быть молитва за здоровье хозяину дома.

Пройдя во двор, Алексей Данилович снова остановился, поклонился на все четыре стороны, снова осенил себя знамением... В общем, у предупрежденного Изольдом князя вполне хватило времени, чтобы кликнуть Варю, накинуть на плечи парадную московскую шубу, подбитую песцом и с соболиной опушкой, взять в руки посох и выйти к дверям, дабы распахнуть их и шагнуть на крыльцо в тот самый миг, когда гость ступит на нижнюю ступеньку. Выйти, дожидаться, пока боярин поднимется наверх и поклонится ему в ответ.

– Здрав будь, князь Андрей Васильевич...

– И тебе здоровья, боярин Алексей Данилович. Рад видеть тебя у себя дома. Испей горячего сбитня с дороги, отдохни, будь моим гостем.

По сигналу князя приказчица выступила вперед, протянула боярину обильно парящий корец: сбитень и вправду был горяч. Тем не менее гость с видимым удовольствием осушил досуха резной ковш, перевернул, показывая, что не осталось ни капли:

– Благодарствую, княже. Твой сбитень хорош.

– Ты в дом входи, – посторонился Зверев. – Попотчуйся, чем бог послал.

– С большой радостью, княже. Токмо дозволь, холоп сумку чересседельную сразу занесет. Велика больно самому таскать.

– Ты, Алексей Данилович, вижу, совсем без свиты решил меня навестить, – кивнул на двор Зверев.

– А ты мыслил, я со стражей заявлюсь?

– Нет. Ожидал, что с сыновьями. Хорошие у тебя ребята, с радостью бы с ними еще раз за одним столом посидел.

Варя, забрав корец, шмыгнула в дверь. А значит, минут через десять стол в трапезной будет накрыт. Оставалось лишь немного потянуть время.

– Дети в дорогу собираются. Сам знаешь, княже, без хозяйского пригляда дворня завсегда чего-нибудь напутает. Я ведь тебе сказывал, что государь мне отпуск дал за имением присмотреть? Последние годы неурожайными случились. Надобно за посевной самолично проследить, а то как бы вовсе без хлеба осенью не остаться.

– Да, я помню, – кивнул Зверев. – На пиру у боярина Кошкина о том говорили. Беда нынче с погодой. Холодно. Ничего не растет.

– Беда, княже... – согласно кивнул гость, стрельнул глазами по сторонам, и понизил голос: – Как ты не боишься пред государем речи столь дерзкие держать? Вчера мыслил, коли не на плаху, так в поруб тебя Иоанн отправит.

– Ну-у... – усмехнулся Зверев. – А как ты сам поступишь с холопом, что жизнь тебе не раз спасал, поручения трудные исполнял в точности, однако странен и дерзок?

– Как? – на миг задумался боярин и усмехнулся в густую бороду: – В походе поближе держать стану, в мирные дни подальше. А наказывать не буду, дабы лишний раз полезного слугу не обижать.

– Вот именно так Иоанн и поступает, – кивнул Андрей. – Свяжск я ему построил, полки стрелецкие обучил, порчу колдовскую снял. Но при дворе места мне так и не нашлось. Токмо ради поручения нового из удела и вызывают.

– Хочешь, княже, похлопочу? – с готовностью предложил Басманов. – Нечто для столь верного слуги, как ты...

– Думаешь, я обижаюсь, боярин? – с улыбкой перебил его Андрей. – Нет. Мне жену любимую видеть куда как приятнее, чем... Чем бояр царских, вечно чем-то недовольных, из-за мест лающих да козни друг другу строящих. На добром слове тебе спасибо, однако же – не хочу. Но прости, Алексей Данилович, совсем тебя заболтал, – спохватился Зверев. – Идем, идем. Стол накрыт, вино выдыхается, мед греется, сбитень остывает...

Андрей не ошибся в Вареньке – когда они с гостем вошли в трапезную, в центре стола, напротив хозяйского места, уже стояло угощение: два изящных серебряных кувшина, покрытых чеканкой, две глиняные крынки, блюдо с пряженцами, миски с грибами и капустой, поднос с крупным копченым карпом.

– Присаживайся, Алексей Данилович. Вино тебе какое по нраву, фряжское или немецкое? Или хмель стоячий предпочитаешь?

– Прости, Андрей Васильевич, не могу, – вскинул руки боярин Басманов. – Государь, сам знаешь, пьяных и на дух не выносит. Мне же об исполнении поручения еще доложиться надлежит.

– Ну, от одного кубка ничего ведь не изменится?

– Разве только от одного, – сразу сдался гость. – Но тогда уж меда. От него аромат остается травяной и приятный. Вино же сразу себя выдает.

– С мятой испробуй. Очень освежает. Завсегда в бане токмо его и пью.

– Наливай с мятой, – согласился боярин.

И едва кубок наполнился до краев, с прежней жадностью прильнул к белой пузырчатой пене.

– Еще? – предложил Зверев, когда кубок опустел.

– Но только один! – сурово предупредил Алексей Данилович. – Надобно и дело знать.

– А что за дело?

– Дело важное, – встрепенулся боярин. – Прошка, ты где?

– Здесь, боярин, – заглянул в трапезную басмановский холоп. Видно, ждал за дверью, когда позвуют. – Нести?

– Давай, – жестом подозвал его Алексей Данилович, забрал из рук чересседельную сумку и махнул: – Теперь ступай отсель подальше, дабы и духу не было.

– На кухню ступай, – уточнил Зверев. – Скажи, я велел пива налить за старание.

– Благодарствую! – встрепенулся коротышка и выскочил прочь.

– Поручение к тебе у меня такое, – раскрыв сумку, принялся вынимать один за другим свитки боярин. – Письмо самоличное царское к князю. Опалу Иоанн с князя Михаила Воротынского снимает и пред очи свои разрешает предстать. Вот письмо князю с похвалой за труд его усердный. Государь его вчера полистал и вельми доволен остался. Грамота царская князю Воротынскому на земли его родовые, что в казну отписаны были после заговора. И сим обратно ему возвращаются. Кошель с серебром. Сколь в нем, не ведаю, однако же дар сей в благодарность за наставление передается, кое Иоанн на печатном дворе Александровском оттиснуть желает и по городам порубежным, да воеводам знатным для воспоследования разослать. Грамота от государя настоятелю монастыря Кирилловского, дабы тот содержание, на двор, семью и князя отпущенное, Михаилу Воротынскому серебром в руки передал. И ровным счетом за расход отчитался. – Алексей Данилович на всякий случай еще раз заглянул в сумку и утвердительно кивнул: – Все.

– Изрядно, – вздохнул Зверев. – Это не грамотка с прощением, этакое добро с посыльным обычным не отошлешь. Отчего мне привез волю всю эту царскую, Алексей Данилович?

– Такова царска воля, – развел руками гость. – Не князю велено отправить, а тебе передать. Видно, желает Иоанн Васильевич, чтобы из твоих рук друг наш общий свободу получил. И чтобы первым ты о его милости узнал... Ладно, наливай! За князя Михайло не грех и лишний кубок поднять!

В этот раз Андрей отлынивать не стал и за удачу своего старого друга выпил полный кубок крепкого, сладкого и пряного, охлаждающего горло меда.

Боярин Басманов крякнул, мотнул головой, потянулся за пирожком:

– Хорош у тебя мед, княже. Сразу видно, на совесть выстаивали. Да и сам ты тоже разум прочищать умеешь. Государь-то наш, Иоанн Васильевич, рукопись с наставлением полистав, да грамоты заполнив, в часовню ушел и молился там до самого рассвета, всенощную себе устроив. Поутру же велел по монастырям, храмам и церквам православным запись поминальную разослать, дабы за спасение душ бояр Кашина и Репнина всем миром молились. Самих же их за прегрешение страшное, из-за коего полтораста людей православных живота лишились, предать смерти через головы усекновение. Ибо пример предательства их для прочего общества страшен. Казни предать сегодня же им в наказание, прочим для примера. Такая вот всенощная у государя нашего получилась. Печален был царь, но спокоен и в правоте своей тверд. Приказ отдал и повелел челобитные принести, в коих подьячие суждения вынести не смогли, да жалобы на людей знатных, коих выборные поместные старосты губные тронуть не смеют.

– Вот и слава Богу, додумался, – облегченно вздохнул Андрей. – Может, теперь у вырождков хоть страх появится, коли совести нет. Земля русская честными людьми испокон веков крепка была, а не юродивыми клоунами.

– Что ты говоришь, Андрей Васильевич?! – как-то даже испугался боярин. – Люди святые, Христа ради юродивые, совестью одной живут и слово божье заблудшим приносят.

– Так то заблудшим, – решительно допил мед Зверев. – А среди нас таких нет.

– Решителен ты однако, князь Андрей Васильевич, – качнул головой боярин Басманов. – Тверд во мнении, никого не боишься, ни в чем не сомневаешься. С царем, точно с ровней, разговариваешь. Даже у государя уверенности такой не бывает.

– Умен наш царь и образован превыше всех на Руси... Да и в мире умнее его никого сегодня не сыщешь, – после короткого колебания добавил Зверев. – Посему и деяния его не на миг и не на день нацелены, а на годы и века грядущие. Оттого краткие и решительные походы его малой кровью давали великие прирастания. Что Казанское, что Сибирское, что Астраханское ханство чуть ли не единым днем судьбу свою новую обретали. Черемисы и ногайцы сами с поклоном пришли. Я же токмо одну малую войну в Ливонии учинил, так и та без всякой пользы который год тянется. Вроде, и разбиты вороги все до единого, а каждый год какие-то сечи случаются, кто-то вечно недоволен, гарнизоны никак по домам не распустить. Одна беда в его мудрости: книжник. Книги все корнями своими из церковных трудов вырастают. Церковь же нас учит щеку левую подставлять, коли по правой ударили. Тяжко жить среди волков по такой-то мудрости. Шереметевы, Бельские, Курбские, Старицкие – сам знаешь... Они не то что щеку подставлять, они голову моментом откусят, только зазевайся. И никакого повода ждать не станут.

– Знаю, княже, знаю, – печально согласился гость. – Оттого и страшимся все мы за государя нашего. Больно милостив он к врагам своим. Порой кажется, что и робок даже. А ведь каждый враг уцелевший в любой миг нож в спину вонзить готов. Коли чего случится с Иоанн Васильевичем, вовек себе этого не простим.

Андрей пригладил бороду, скрывая под ладонью усмешку. Уж кому, как не ему, подавшему полтора десятка лет назад идею с избранной тысячей, не знать об истинной причине страха опричников за своего царя? Иоанн, которого в детстве третировали знатные бояре чуть

ли не хуже, чем последнего смерда, которого забывали кормить, не давали игрушек, которого оставили сиротой и казнили любимых нянек, Иоанн не желал видеть возле себя и набрал ближнюю стражу из родов мелких и малоизвестных, в просторечии называемых «худыми». Из людей, в иные времена не имевших ни единого шанса даже близко приблизиться к правителю огромной державы. А уж тем более – занять в ней высокие посты, предназначенные для самых знатных из родовитых. Висковатый, Адашев, Вяземский, Кобякин, Вешняков, Годунов, Басманов, Романовы, Кошкины, Захарьины – кто слышал об этих фамилиях хоть краем уха до прихода на престол Иоанна Четвертого Васильевича? Ныне же они служили дьяками в Посольском, Разрядном, Стрелецком и Разбойном приказах, водили в походы полки, в немалой степени определяли внешнюю и внутреннюю политику, ибо у царя, понятно, до большинства дел руки не доходили. Государь один – хлопот же на Руси, что ни день, все новые и новые тысячи возникают.

В здешнем мире, где пост и власть определяются не умом и трудолюбием, а знатностью и заслугами предков, со смертью Иоанна все, все опричники до единого скатятся моментом в ту бездну безвестности, откуда таким несказанным чудом поднялись. И потому за государя они боялись куда более, нежели даже за самих себя. Не было в мире более преданных и самоотверженных слуг, нежели опричники Московского Государя.

– Не случится, – покачал головой Андрей. – Не допущу.

– Так уверенно сказываешь, княже, ровно воле твоей настоящее и грядущее подчиняется.

– Кабы подчинялось, – вздохнул Зверев, – я бы предателей самих по себе дохнуть заставлял, а не государя их карать уговаривал.

– Но как? – вскинул руки боярин. – Как ты смог?! За все время, что государь наш правит державой он не казнил ни единого изменника! Ты же обмолвился с ним всего несколькими словами, и Иоанн тем же днем приказал отрубить двум предателям голову!

– Прежде изменники покушались лишь на него самого, – пожал плечами Зверев. – Они хотели скинуть Иоанна, но продолжали служить отчизне нашей, не жалели живота на поле брани, освобождали невольников, рубились на улицах Казани и Колываня, шли походами на Астрахань и Полоцк. Они были плохими слугами для царя, но хорошими для русской земли. Теперь они переступили черту. Стали врагами не только Иоанну но и вере, Отечеству, собственной земле. Они пролили русскую кровь. И за кровь должны платить кровью. Мыслью я, государь и сам сию разницу ощутил. Но кто-то должен был сказать это вслух.

– Ты должен быть при государе, княже, – почему-то перешел на шепот боярин Басманов. – Обязан, Андрей Васильевич! Кто, кроме тебя, решится сказать ему правду, коли опять случится измена? Кого еще он послушает, как тебя?

– Нет, Алексей Данилович, не мое это дело, – покачал головой Зверев. – Другое у меня предназначение, и я его знаю. Пойду против судьбы – ни своего долга не исполню, ни другой пользы не принесу. Вы – царская свита. Вам и надлежит о тревогах своих государю говорить, коли его доброта ему же опасностью грозить станет.

– Счастлив ты, Андрей Васильевич, коли предназначение свое знаешь. – Боярин уже сам налил себе еще кубок хмельного меда. – Нам же судьба наша неведома.

Басманов явно не сильно огорчился отказу Зверева. Да оно и понятно: лишний человек у трона, да еще такой, которого царь слушать станет – это власть, у всех прочих опричников отнятая. Хоть и полезный человек, но по придворным правилам – все едино конкурент.

– Все мы сами судьбу свою строим, Алексей Данилович. Делай, что должно, и пусть будет, что будет.

– Коли так, то не стану отвлекать, княже, – поднялся гость. – Тебе, мысля, не терпится Михайло Ивановича свободой обрадовать. Мне же в путь собираться надобно. Передай князю, Андрей Васильевич, в гости я его жду со всей душой. Имена наши рядом. Как домой поедет, так пусть завернет. Я ведь как раз там нынешним летом буду. Пива доброго выпьем, о былом

вспомним, о нынешнем поговорим. И тебя, княже, тоже всегда видеть рад. Будешь окрест Рязани, заезжай обязательно!

– Спасибо, Алексей Данилович. Заеду обязательно. И князю Михайло приглашение передам.

– Ох, славный у тебя медок, княже. Пьется, как нектар, а валит, ровно рожон. Премного благодарствую... – Боярин, заметно покачиваясь, отправился к дверям. Зверев, торопливо допив мед из своего кубка, побежал следом: гостя следовало проводить до самого порога и напоследок расцеловаться на крыльце. Впрочем, о последнем обязательном жесте забыл уже Алексей Басманов, перед ступенями лишь низко поклонившись и пошедши вниз, крепко цепляясь широкими ладонями за перила. Холоп его был уже на дворе, помог господину подняться в седло и вскоре царский посланец выехал за ворота.

– Что же вы, княже, два кувшина меда выпили, а вовсе ничем и не закусили? – укорила из-за спины бесшумно появившаяся Варвара.

– Разговор серьезный получился. Было не до еды.

– Нечто случилось что?

– Не беспокойся. Только хорошее, – повернулся к ней Андрей, провел пальцами по бровям, раздвигая выбившиеся из-под платка волосы. – Так ты согласна меня сыну своему в крестные отцы взять?

– Нечто об этом столько беседовали, Андрей Васильевич?

– Почти, Варенька, почти. В путь мне опять собираться надлежит. Посему, коли согласна, сегодня или завтра сына надобно окрестить. Ибо послезавтра мне надобно подниматься в стремя.

* * *

Как ни спешил князь Сакульский в дорогу, ан святцы оказались сильнее. Не легли Андрею на душу имена ни Игната, ни Григория, ни Романа, ни Петра. Виктором захотел сына окрестить. Победителем. А по святцам имя Виктора только крещеным тринадцатого февраля полагалось. Пришлось задержаться.

Впрочем, четыре дня опоздания перед поездкой за шесть сотен верст особого значения не имели. Как ни спеши, а раньше, чем через три недели даже по широкому и накатанному Вологодскому зимнику до святой обители никак не доберешься. Уже два десятка лет прошло с тех пор, как Андрей Зверев стараниями колдуна Лютобора оказался в шестнадцатом веке, уже лет десять как забросил свои попытки вернуться обратно домой, но к пытке путешествиями по тридцать верст в день вместо ста в час – никак привыкнуть не мог. И только пиво и самокурное вино, которого в избытке хватало на постоялых дворах, помогало справиться с многодневным однообразием и скукой долгого безделья.

Зимник, известное дело, хорош тем, что не боится ни болот, ни озер, ни глубоких рек, а потому между крупными городами его можно прорубать строго по прямой, не особо заботясь о рельефе местности. Гор и ущелий на равнинной Руси все равно не бывает, слишком крутой холм обогнуть не трудно, а прочие неровности сами по себе скрадываются льдом или заносятся снегом. Так что до Шексны Андрей с холопами две недели мчался, словно выпущенная из лука стрела. Однако, чтобы не делать лишнего крюка, на реке он повернул верх по течению, по торному пути к Белому озеру, который вводил к Белозерску, Вытегре, Повенцу и дальше на север, аж до Холмогор, еще не получивших названия «Архангельск», и до Соловецкого монастыря. Но князю в такую даль забираться не требовалось. Четыре перехода по извилистой реке – на пятый путники возле Горицко-Воскресенского девичьего монастыря повернули вправо на протоку и уже через час увидели впереди сверкающие золотом купола древнего Кирилло-Белозерского монастыря.

Доехать до обители путники не успели. Сажень за сто до ворот Андрея окликнули с гульбища⁶ отдельно стоящего бревенчатого дома:

– Вы посмотрите, кто к нам приехал! Сам князь Сакульский свет Васильевич. Никак и его на отъезде к Сигизмунду заловили?!

Зверев натянул поводья, вскинул голову, вглядываясь в тень за частыми перилами.

– Иди к нам, Андрей Васильевич, знакомься с соседями! – К перилам на свет вышел с серебряным кубком князь Михаил Воротынский в шитой золотом ферязи и бобровой шубе, крытой синим с вошвами сукном. – В доброй компании и кару царскую терпеть веселее.

На гульбище мужественно переносили государеву опалу трое бояр. Сам Михайло Иванович, боярин Светлов, с которым Андрей лет пять тому шел, да так и не добрался в набег на ливонское порубежье, и боярин Чепаров, знакомый по прошлогоднему походу на Полоцк. С высоты второго этажа они любовались видом на заснеженное Сиверское озеро, запивая красноту подогретым вином из слабо курящегося самовара и закусывая ее копченой белорыбицей, гусиной печенкой в лотке и заячьими почками на вертелах.

– Давай, княже, прими с дороги, для настроения. – Налив из краника в деревянный ковшик пахнувшего жасмином и кардамоном красного вина, князь Воротынский протянул Звереву тяжелую емкость. – Потрошками закусывай, они аккурат горячие еще.

– Ваше здоровье, бояре, – благодарно кивнул Андрей, приподнял корец, а после неторопливо, с наслаждением осушил. Горячее вино, да на морозном воздухе, да после дальней дороги было именно тем, о чем мог мечтать уставший путник.

– И тебе того же, Андрей Васильевич, – кивнули бояре, разбирая деревянные палочки с зарумянившимися на них мясистыми шариками.

– Чего на улице мерзнете, а не в трапезной пируете? – поинтересовался Зверев, выбирая вертел и для себя.

– Кулачные бои чернь сегодня затеяла, – ответил за всех боярин Чепаров. – Драться нам со смердами не по чину, а вот посмотреть за весельем, да подбодрить и за победителя кубок осушить – милое дело! А ты как здесь оказался, княже, в обители окаянных грешников? Кляхам отъехать попытался, али здесь за свободу шибко выступил?

– Чего мне, православному, у схизматиков безбожных делать? – пожал плечами Зверев. – Да пропади они все пропадом!

– Не скажи, не скажи, – покачал головой боярин Светлов. – Схизматики-схизматики, а живут-то они куда мудрее нашего. В Польше, вот, король среди шляхты своей равный есть среди равных, и без согласия последнего шляхтича никакого указа издать не может. В Польше шляхтич для смердов своих богу равен. Хочет – судит, хочет – рубит, хочет – собакам скармливает. И никто ему слова поперек не скажет. У нас же крепостного покалечь случайно – так тебя разом на суд волокут, позорят дурными словами, штрафы немалые накладывают. А почему? Чем мы шляхты хуже? Не должно с дворянина за смерть простолюдинина спрашивать, не по справедливости это! Почему меня вровень со смердами считают? Почему государь за мертвого крестьянина как за доброго боярина спрашивает? Не должно так быть! Не должно! Мы не со смердами, мы с царем одной крови. Вон, князь Михайло, разве он не Рюрикович? А бабка моя разве не из мамаевского дома? Так отчего же мы не равным с Иоанном словом владеем? Хочу по польскому закону жить! По польским вольностям Думу созывать! Что скажешь, Андрей Васильевич? Верно я реку?

– Верно, брат, все в точности! – согласно кивнул Чепаров. – Выпьем за вольности боярские. Чтобы по польской шляхте русской земле исправляться!

⁶ Гульбище – крытый балкон, идущий вокруг всего дома. На Руси строилось довольно часто, как в жилых домах, так и в храмах.

Андрей промолчал. Да и что он мог сказать? Что польское шляхецкое бесовство есть прямой путь к гибели государства? Так ведь гниль популизма и анархия толпы убивают страну не за год и не за десятилетие. До первого раздела Польши цивилизованными соседями еще целых двести лет. А пока что она остается врагом лихим и опасным, и соблазняет всех окружающих безграничной вольностью самой шляхты и столь же ее безграничной властью над несчастными крепостными. Властью совершенно безумной, на взгляд любого православного человека. Ибо для Православной Церкви все души – равны.

Впрочем, ответ гостя боярам и не понадобился. Они успели отогреться достаточным количеством вина, чтобы не озадачиваться такими мелочами, как поддержание беседы.

Михайло Воротынский тоже раскраснелся от выпитого, тоже долил свой кубок теплым вином, но Андрея во внимании все же удержал:

– Так ты по своей воле, али по царской в обитель прибыл, дружище?

– И по твоей тоже, – с улыбкой добавил Зверев.

– Еще и по моей? – задумчиво пригладил длинную бороду князь. – Загадка сия интересна есть и разгадать ее хочу сам, ответа не сказывай. Да-а... Но одно понимаю, поселить тебя надобно у меня. Утро вечера мудренее, завтра и ответ дам.

Он выпил вино, отер губы и поднялся:

– Благодарствую за угощение, но надобно и честь знать. Вот, гость приехал. Приютить потребно, пока ночь не настала. Посему... – Он коротко поклонился и пошел от стола. По лестнице спустился сам – но за порогом окончательно сомлел. Хорошо, князь Сакульский был с холопами и знал, где стоит добротное, в два жилья, узилище князя. А то бы так и остались бесприютными.

Когда Михаила Ивановича ссаживали у крыльца с лошади, он вдруг открыл глаза, поймал Зверева за рукав:

– Понял! Коли поручение царское исполняешь, то по его воле. Коли оно тебе по нраву и исполнить хочешь, то и по своей. А коли ко мне прискакал, так и по моей воле тоже получается. Вестимо, вольную мне привез?

– Все привез, княже. И вольную тебе с семьей, и указ о возвращении вотчины твоей, и приказ наставление твое печатать, и награду от царя привез, кошель серебра тяжелый.

– Чудится мне все это... – внезапно погрузнел князь Воротынский и снова закрыл глаза.

Князь поверил в случившееся только через день. А вот его жена и дети начали собираться в первый же вечер, когда услышали от Андрея об освобождении, и уже через неделю внушительный конвой из семнадцати телег, сопровождаемых десятком холопов князя Сакульского и еще сорока слугами Воротынского, тронулся по зимнику в путь. Никаких сложностей их в дороге не ждало – вот только сама дорога в каретах и санях, проходящих за день всего два десятка верст, заняла ровно месяц. В столицу князя добрались только-только в начале апреля, въехав на подворье князя Сакульского на Захарьин день⁷.

Во дворце сразу стало шумно, тесно, захлопали двери, забегали люди. Варвара, ошеломленная свалившейся на нее толпой, еле-еле успевала указывать, кого в каких покоях селить, где размещаться слугам гостя, где и какие припасы можно брать для стола, чего докупить, что с ледника принести, на чем и когда готовить, где дрова старые, просохшие, а какими топить еще рано. Отчитаться о проделанной работе она смогла только поздно вечером, когда шум затих и усталые путики разошлись по опочивальням и людским.

– Князя и супругу его я в гостевых покоях разместила, – стоя возле раскрытого бюро, загибала она пальцы. – Перина там, по виду, не новая. Видать, из хозяйских покоев перенесли, когда новую набили, но добротная: мягкая, сухая, без запаха. Я ее маненько подогрела раскрытую, да отдушенным бельем свежим перестелила. Княжну в детскую опочивальню пустила, что

⁷ Захарьин день – 6 апреля.

над кухней, дальняя. Там всю зиму тепло сочится, а потому и опасаться за рухлядь всякую не надобно. Там и занавески, и обивка шелковая, и постель свежая. Хорошо и уютно в светелке, ровно как все время живут. Вина и меда, коли так пировать станете, как по приезду, токмо на два дня хватит. Прочие припасы на неделю растянуть можно.

Андрей, поднялся от бюро, наклонился:

– Хлопотунья моя, – шепнул в самое ухо, касаясь его губами.

– Щекотно, княже, – поежилась она, но не отодвинулась и попыталась продолжить: – Воду почерпали всю из колодца. Лошадям, да в дом, да на баню. Запаса-то не держали, дабы не померз, вот разом и вычерпали. Снег надобно топить, человека в баню поставить...

– И что же теперь делать?! – испуганно охнул Зверев, подхватил ее на руки и понес в опочивальню.

– А еще сена на седмицу самое большее осталось, – продолжала она, дергая ногами. – Овса и вовсе не осталось...

Смолкла Варя только, когда Андрей закрыл ее рот поцелуем. Лишь после этого она забыла про дела хозяйственные и отдалась душой и телом во власть своего любимого и господина.

– Ты забыла сказать еще одно, – шепнул ей Зверев. – В доме так много народа, что ночевать тебе будет больше негде, кроме как здесь.

– Грамоту тебе из дома наемни посыльный привез, – ответила приказчица. – На шкафу твоём письменном лежит. Не заметил?

– Потом, – потянул Андрей завязки сарафана. – Все потом.

Но в объятиях любимой про всякие «потом» он, естественно, сразу и начисто забыл.

* * *

По давешней привычке, воспитанной в барчуке Пахомом еще с младых ногтей, утро князь Сакульский начинал с сабли. Сперва не меньше получаса «игра» клинком, чтобы его вес, баланс, форма и верткость вошли в привычку, чтобы ощущался он не оружием, не инструментом, а частью самой руки. Затем – отработка упражнений. Последовательности действий, что в схватке чаще всего могут пригодиться. Такие вещи рука сама «рисует», даже если воин отвлекся на что-то, думает о другом, что делать не знает. Голова еще думает – а рука, глядишь, уже и наколола на клинок неумелого противника.

Остаток утренней «зарядки» Андрей обычно проводил с холопами, наработывая привычку и к бердышу, и к топору, и к ножу, и к щиту, и к рогатине – а заодно натаскивая на будущие сечи своих воинов. Но в этот раз его отвлекло одобрительное хлопанье в ладони:

– Вижу, Андрей Васильевич, жиром ты не заплыл. Даже без седла с кем угодно рубиться готов. Глянуть на такого витязя приятно. – Князь Воротынский повел плечами, сбрасывая шубу: – Макар! А ну, саблю мою подай. Желая кости по старой памяти размять, с князем молодым по снегу попрыгать. Как, Андрей Васильевич, со щитами рубиться будем, али на голых клинках?

– На клинках, – рубанул воздух уже разгорячившийся Зверев. – Из-за щитов уже не рубка, а колка дров получается. Опять же, деревяшку с силой бьешь. Коли удар мимо пройдет, то и поранить недолго.

– И то верно. Со щитом ровно стену рубить приходится, без него веселее.

Хлопнула дверь. Шустрый княжеский холоп выскочил, неся не только пояс Михайло Воротынского с оружием, но и два выцветших, изрядно исполосованных и многократно прошитых тегиляя: толстых, в два пальца, халата, простеганных проволокой и набитых конским волосом. Доспех простой и недорогой, но довольно надежный.

– Подай князю Сакульскому, пусть выберет, – велел гость. – Накинь Андрей Васильевич, дабы шальной удар к беде не привел. Случайное касание выдержит, а в полную силу бить мы, знамо дело, не станем.

Зверев упрямиться не стал, облачился. То, что сабля не игрушка, он знал не понаслышке.

– Готов, – кивнул хозяин дома, застегнув крючки.

– Ну так держись! – тут же ринулся вперед гость, стремительно обрушивая свой клинок на голову Андрея. Тот насилу успел прикрыться, сильным наклоном отводя клинок врага в сторону, тут же попытался рубануть Воротынского поперек живота. Но противник отступил, а когда сабля ушла дальше, сделал шаг вперед, попытавшись уколоть Зверева в грудь. Андрей насилу увернулся, вознамерился снизу вверх подрубить князю руку, но тот успел заметить опасность, ушел с поворотом и тут же продолжил его, метясь разрубить князя Сакульского поперек груди. Насилу удалось отскочить.

Андрей только диву давался: даром что князь Воротынский был старше его на двадцать лет и уже перевалил пятый десяток, даром что казался куда грузнее и шире в кости – ан крутился, что белка в колесе, действовал стремительно и уверенно, не позволяя себя даже царапнуть. Когда Зверев уже отчаялся, гость вдруг отступил, тяжело отмахнулся, отер пот со лба:

– Что-то я уже согрелся... – пытаюсь отдышаться, пояснил он. – И ноги уже не те. Совсем я закип от жизни монастырской, меча удержать не способен. Нет, Андрей Васильевич, пожалуй, с завтрашнего дня с тобой вместе буду поутру с дрекольем прыгать. Не то недолго в первой же сече по-глупому сгинуть. Что может быть глупее, нежели погибнуть оттого, что устал?

– Так милости просим, Михайло Иванович!

– И лентяев своих заставлю жирок растрясти...

– Доброго вам утра, бояре, – выглянула на крыльцо Варвара. – Пожалуйте завтракать.

– О, это ко времени, – обрадовался князь Воротынский. – Ловкая у тебя приказчица, княже. Одна, да ин, как ловко управляется!

– За то и держу.

Варя с поклоном пропустила гостя, поклонилась и Андрею, но окликнула:

– Что княгиня из имения пишет? Все ли у нее в порядке, княже, как дети?

– Я и забыл про письмо-то! – спохватился Зверев. – После завтрака прочитаю.

Андрею как-то даже стыдно стало, что вчера за многочисленными хлопотами у него из памяти выветрилось напоминание о письме из дома. Весь завтрак он сидел как на иголках и, лишь слегка утолив голод, побежал в свои покои, нашел свиток, сломал тонкую сургучную печать с отгиском Полининого кольца.

Редкие письма жены были всегда очень длинными и размеренными, с многочисленными приветами и пожеланиями от имени всех членов семьи и части челяди, с описанием погоды в княжестве, поездок на торг и обычных прогулок чуть дальше двора, перечислением деревень, упоминанием всех свадеб, смертей и рождений, и кучи прочей совершенно ненужной князю информации. Но Звереву все равно нравилось читать эти послания. Во время долгого расшифровывания завитушек, накрученных почти возле каждого слова, он словно слышал голос Полины, чувствовал ее близость, исходящее от нее чувство грусти от расставания и любви к нему – и от этого в душе нарастало тепло, хотелось все бросить и мчаться к ней. Обнять детей, подкинуть их в воздух, услышать счастливые визги, крепко прижать и долго-долго не отпустить избранную на небесах спутницу жизни... И даже дочитав последнюю строчку, он еще пару минут стоял перед окном, глядя на покрытую изморозью слюду, и сохранял в душе ощущение близости со своей Полиной.

– О чем княгиня пишет? – вывел его из задумчивости вопрос Вари. – Здорова ли, в порядке ли семья, как все дома?

– В порядке, – вздохнул Андрей. – Пишет, что соскучилась и в Москву летом приедет, раз уж меня государь домой никак не отпустит. Думаю, после половодья соберется. Аккурат с

посевной хлопоты закончатся, и поедет. Надеюсь, догадается ушкуем плыть, а не по дорогам пыль глотать?

– Конечно, догадается, княже. Она у тебя умница.

О самом главном мудреная жизнью Варенька предпочла промолчать. Но Зверев отлично знал, о чем она подумала, услышав это известие.

Блуд!!!

Ребенок у незамужней женщины – это «блуд». Это позор, это словно дегтем на веки вечные мазнуть. Такого позора никому не пожелаешь. Блуднице нигде приюта даже Христа ради не найти, ни в один дом на порог не пустят, никто разговаривать с такой не станет, никто близко не подойдет. Потому-то в свое время боярин Лисьин и отдал полюбившуюся сыну дворовую девку за старика замуж. Для замужней бабы дети – не позор, а хвала и уважение. Для вдовы – почет даже больший, поскольку без мужика малых растит. Но это – коли не знать, что ребенок родился через несколько лет после смерти законного мужа. Про это могли не знать многочисленные гости княжеского дворца, об этом предпочитали не вспоминать его холопы. Полина же, с московской ключницей уже хорошо знакомая, подобной несурезицы не заметить не могла. И в ее положении не турнуть «блудную девку» за ворота с большим позором – это уже совсем себя не уважать. Коли бабу гулящую в дом впустила – это, считай, собственной рукой дозволение ей дала с мужем своим блудить, с гостями, али иными мужиками, что на двор заглядывают. И что тогда о самой хозяйке нужно думать?

– Сына позови, – хмуро приказал Зверев, сворачивая письмо обратно в тугой свиток.

Приказчица кивнула, ушла, забыв закрыть за собой дверь, и почти сразу в проеме остановился князь Воротынский:

– Не помешал, княже? – не дожидаясь ответа, он шагнул внутрь. – Смотрю, ключница твоя в беспокойстве вся, даже с лица изменилась. Надеюсь, не я тебя в лишние хлопоты ввел?

– Перестань, княже, – отмахнулся Зверев. – Кто же виноват, что государь земли тебе вернул, а жилище московское позабыл? Ты мой друг, а друзья для того и нужны, чтобы было на кого в трудную минуту опереться. Как дворец из казны на тебя обратно отпишут, так и ты меня в отместку с почестями всяческими примешь.

– Такой пир закачу, Андрей Васильевич, неделю на ногах стоять не сможешь! – тут же щедро пообещал Михайло Воротынский.

– Тогда нужно успеть до приезда жены, – зачесал в затылке Зверев. – Она ведь такого веселья не поймет.

– Успеем! Надобно токмо пред очи царские предстать, да о несурезице сей ему поведать. Чего не везешь? Тебе, сказывают, в Кремле общий почет и уважение, и вход в палаты царские в любой день и час невозбранно.

– Толку-то по царским палатам ходить, коли сам государь ныне в Тихвинском Богородицком Успенском монастыре на богомолье? Грех казни замаливает. Двум предателям в февралю голову приказал отрубить, теперь места себе не находит.

– Тихвинский монастырь? – изумился гость. – Не слышал о таком ни разу!

– Аккурат четыре года тому назад монастырь сей именным царским указом основан на месте чудесного появления богородицкой иконы из Влахернского храма в Константинополе.

– А-а, слышал о сем чуде! – спохватился князь Михайло. – Это тот самый образ, что чудесным путем из Царьграда на берег реки в Новгородской земле перенесся, когда басурмане османские столицу греческую завоевали! Так Иоанн в ее честь монастырь новый решил основать?

– Уже основал, – напомнил Зверев. – Четыре года прошло, уже давно каменщики все должны отстроить. Вот и поехал проверить, куда казенное серебро ушло. Заодно и за казенных помолиться. А может, наоборот.

– За казненных? – почесал в затылке Воротынский. – Этот хлюпик малолетний кого-то решил жизни лишит? Вот уж воистину чудны дела твои, Господи!

– Государь, между прочим, мой погодок, – вскинул брови Андрей.

– О, прости, княже! Не малолетний, нет! Это я по старой памяти. Я ведь, признай, чуть не вдвое тебя старше буду?

– В полтора, – мстительно уточнил Зверев.

– Две недели пира! – со смехом вскинул руку с двумя сложенными «викторией» пальцами гость. – Не держи зла на старика, княже. Не про тебя ведь речь шла, а о государе нашем добром, великом и обожаемом. Вишь, как я любимчика твоего нахваливаю? Когда он, кстати, вернется?

– Боярин Кошкин передал, что через месяц токмо. Раньше не ждут. Путь-то какой до Тихвина! Ровно до Монастыря Кирилловского. Месяц назад отбыл, стало быть и вернуться должен к концу мая. Коли на молебне не застоится, конечно. Молиться государь любит...

Из коридора донеслись частые шаги, в комнату заскочил розовощекий Андрей Мошкарин, наряженный в длинную, навывпуск, белую косоворотку с алым шитьем по вороту, подолу и рукавам, опоясанный широким поясом с двумя ножами и сумкой. Черные свободные шаровары были заправлены в пахнущие дегтем яловые сапоги, начищенные до зеркального блеска. Варвара, женским нутром ощутив неладное, нарядила сына как на праздник. Да и сама неслышно появилась следом, тихо скользнув в горницу и отступив вдоль стены в сторону, дабы не загоразживать проход.

– Призывал меня, княже? – нетерпеливо выдохнул паренек.

Андрей промолчал, глядя в его голубые, совершенно мамины глаза. Мальчишка неуверенно пригладил упругие вихры, облизнул губы, оглянулся на мать, словно искал поддержку. Переспросил:

– Так ты кликал меня, князь Андрей Васильевич?

– Да, ты мне нужен, – кивнул Зверев. – Я хочу тебе задать один вопрос. Короткий, но очень и очень важный. Так, понимаешь, устроен этот мир, что каждый смертный, что носит гордое имя русского человека, должен поливать нашу священную землю либо потом, либо кровью своей. Есть те, кто трудится, не покладая рук, выращивая хлеб, строя дома, плавя железо, выделывая кожи или выпаривая соль. Из трудов людей этих вырастает сила и богатство Руси нашей, на их плечах держится крепость нашей державы. И есть те, кто защищает с мечом в руке границы Руси, кто охраняет покой и богатство, добытое отцами нашими и прадедами, кто принес честь и славу русскому имени. Те, кто каждый год ходит в дальние походы, кто тысячами гибнет в сечах, и гибнет порою вовсе безвестно. Это люди боя, которые так и зовутся: бояре. В боях растут, в боях взрослеют. В боях же обычно свою жизнь и заканчивают. Я хочу, Андрей, чтобы ты сделал выбор. Как ты желаешь провести свою судьбу: поливать землю кровью или потом? Быть созидателем или воином?

– Конечно, воином! – без мига промедления выдохнул паренек. – Я хочу быть православным витязем! Хочу служить под твоей рукой, князь Сакульский!

– Однако славная кровь струится в жилах этого мальчугана, – негромко отметил со стороны Воротынский. – Он рожден для славы.

– Уверен ли ты в этом, Андрей Терентич? Боярская жизнь состоит не из славы. Ты мало будешь видеть свой дом, жену свою и детей. Ты будешь маяться скукой в дальних дозорах, будешь голодать в осадах. Тебя ранят много раз, мало кто из нас носит на теле меньше десятка шрамов. И рано или поздно в одном из сражений ты умрешь, ибо нет русскому боярину иного оправдания покинуть царскую службу, кроме как смерть. А слава? Слава приходит не ко всякому. И слава – лишь краткий миг среди череды долгих, скучных дней. Не торопись с ответом, мой мальчик. Не каждому, совсем не каждому выпадает возможность избрать свою судьбу. Кем ты хочешь стать? Крепким хозяином, сытым и спокойным, или скитальцем, каждый день смотрящим в лицо смерти?

– Хочу быть воином, князь! – сжал кулаки паренек. – Землю русскую от басурман и схизматиков оборонять, невольников на свободу отпускать, татей лесных на деревья вешать!

– Ты упрям, малыш. Но я все же дам тебе еще один шанс на верный выбор. Кем хочешь ты стать, Андрей Мошкарин, сын земли русской? Последний, третий раз спрашиваю тебя, и изменить что-либо потом ты не сможешь уже вовеки. Кем ты намерен провести свою судьбу: человеком боя или человеком труда?

– Человеком боя! – стиснув зубы и набычившись прямо-таки рыкнул Андрей. – Не испугаешь, княже! Русскому боярину страх неведом.

– Что же, ты сам этого хотел. Так тому и быть!

– Ты возьмешь меня в холопы? – радостно вскинулся паренек.

– Нет, – покачал головой Зверев. – Холопы рабы, в сечу по приказу идут. Ты же судьбу сам выбрал, сам с пути ратного не свернешь. Есть у меня надел на отшибе. Государь еще за поход Казанский наградил. И догляда у меня за местом сим совсем не получается. Сидит наместник, изредка подать пушную присылает, порой мед через купцов тамошних передает. Поедешь туда от моего имени, на землю сядешь. И станешь ты с того часа проходить по разряду служивых детей боярских. Наберешь себе ребят крепких числом с десятков, что по норову и удали подойдут, снарядишь, как положено, да и станешь в походы под мою руку приводить, когда государь службы потребует.

– Правда? – ошалел от такого поворота паренек. – Ты меня в дети боярские берешь, княже? Взаправду по разряду служивому запишешь?

Андрей не отвечал, глядя на женщину. Та пару раз сглотнула, прикусила губу. На щеку выкатилась слеза. Варя опустила веки, сглотнула снова и слабо кивнула.

– У нас на Руси вольному человеку в боярские дети пойти запрета нет, – вздохнул князь. – Ты согласен, и я согласен. А значит, и быть по сему. Служи!

– Ну, поздравляю, витязь православный, – вышел вперед князь Воротынский, хлопнул ладонями паренька по плечам. – Сколько тебе лет, Андрейка? Вижу, года через два уже в новики тебя князь запишет? Будем в строю общем бок о бок перед сечей стоять? А ну, пойдём, покажешь, что делать умеешь. Саблю в руках держать доводилось?

Веселый князь, посмеиваясь, увел новоявленного боярского сына с собой, и Варя со Зверевым остались наедине.

– Ты меня прогоняешь? – шепотом спросила женщина.

– Я даю нашим сыновьям пропуск в боярство, – так же тихо ответил он. – Коли себя покажут, могут и еще удел в награду получить, с думскими боярами сравняться. Будешь во дворце соседнем жить-поживать, меня в гости приглашать.

– Только в гости. Ты никогда не будешь моим.

– Варенька моя... – Андрей обнял женщину, поцеловал в заплаканные глаза. – Варя... Ты же знаешь, что будет здесь и что будет там. Там ты будешь вдовой с двумя сыновьями, боярыней из моего княжества, полновластной хозяйкой и повелительницей. А здесь? Здесь... Варенька, ты же умная девочка. Ты знаешь, что далеко не все в нашей власти, что не все происходит так, как хочется нам. Время меняет многое. И когда мы увидимся снова, может оказаться, что все не так грустно. Пока же будем рады тому, что наши дети начнут жить боярами, а не холопами или смердами. Разве это плохо?

– Я знаю, что хорошо, – всхлинула она. – За детей я рада. За себя нет. Кажется... Мыслится мне, больше мы уж никогда не увидимся. Вовсе.

– Ну, любая моя, это ты загнула! – прижал женщину к себе Андрей. – Нам еще месяц здесь сидеть, ждать государева возвращения. Опосля вас в земли Свяжские с месяц везти, ибо путь неблизкий, а просто с грамоткой вас отправлять не след. Люди там не шибко ученые и наместника лучше лично посадить. И еще оттуда, вестимо, не сразу уеду. Нет, Варенька, я тебе еще надоем, сама гнать начнешь!

– Ты мне никогда не надоешь, – всхлипнула она и обхватила за плечи, положив подбородок на плечо. – Никогда, никогда, никогда...

* * *

Ждали князя Иоанна полный месяц, встреча же заняла всего несколько минут, да и то на крыльце Успенского собора после заутрени. Видимо, заранее зная о присутствии князей, царь высмотрел в богато одетой толпе в высоких бобровых шапках скромную тафью Зверева, остановился:

– Князь Сакульский! Доброго тебе дня и удачи в нынешних начинаниях. Князь Воротынский! Рад видеть тебя в добром здравии. Труд твой прочел с большим интересом и пользу вижу в нем превеликую. Мыслью я, надлежит тебе рубежи наши южные осмотреть со строгостью и согласно наставления своего меры к их обороне составить. Удел твой ведь там же, возле Перемышля? Как земли свои проведешь, заодно и о прочем подумай, а к осени мысли свои мне в подробности изложишь.

– Прости, государь, за доuku, – протиснулся вперед Михайло Иванович, – но среди грамот на возвращение земель моих и добра убежище мое московское не упомянуто. Скитаюсь, ровно попрошайка бездомный. Прикажи писарям своим грамоту на возвращение дворца моего составить, дабы было где голову преклонить.

– Зачем тебе ныне дом в Москве, княже? – не изменившись в лице и тем же тоном удивился царь. – Все едино в удел отъехать желаешь. Как вернешься, так все прочее и обговорим.

Давая понять, что разговор окончен, Иоанн резко повернулся и в сопровождении суровых опричников отправился в сторону дворца. Был он явно не в себе, спал лицом. Звереву даже показалось, что правитель всея Руси похудел, стал уже в плечах и ощутимо сгорбился. Толпа царедворцев ринулась вслед за государем, князья остались на мостовой в одиночестве.

– Милостями осыпал, прям рублем одарил, – подвел итог Михаил Иванович. – Что же, наказ царский ныне не тяжелый, поеду исполнять.

– На Рязань? – уточнил Андрей.

– Тракт наезженный и привычный, – кивнул князь. – К Воротынску скорейший путь через нее получается.

– Боярин Басманов велел тебе кланяться и звал, коли домой поедешь, к нему в гости завернуть. Он ведь тоже за тебя словечко замолвить пытался. Знал, что из ссылки отпустят.

– Коли так, то и заверну. Все едино по пути. Завтра же и освобожу дворец твой от своей челяди. Надоели, поди, хуже горькой редьки.

– Можешь не торопиться, я и сам завтра в путь тронусь. Коли царь к себе не позвал, стало быть, можно и своими делами заняться. Сына боярского Андрея в удел отвезти и наместнику наказать, что моей волей он у них старшим садится.

– Погоди, так нам по дороге! – восторженно вскрикнул Михаил Иванович. – У тебя ведь у Свяжска надел отрезан?

– Там, – кивнул Зверев. – Найму ушкой какой, по Москве-реке до Волги скачусь, а там и вовсе рукой подать.

– Брось, князь, – хитро прищурился Воротынский. – Московские корабельщики жадны без меры, суда тут наперечет. Река узкая, да неудобная. От Рязани по Оке куда как дешевле выйдет. Судов там больше и не сравнить, народ серебро считать умеет. Много не спросит. Вместе у боярина Басманова покутим, а там и разойдется. Судьба нам вместе ехать, коли в один день и в одну сторону трогаемся. Что скажешь?

– Коли так, – махнул рукой Зверев, – поехали через Рязань. В доброй компании и дорога короче.

* * *

Летом хлопот с подворьем всегда меньше: подтапливать не надо, снег убирать тоже. Приглядывай лишь, чтобы бродяги али тати не залезли, да волю имей припасы пива, меда и вина из погреба со скуки не выпить. Из всех холопов своих князь Сакульский больше всего полагался на волю хладнокровного полусотника Изольда, который и отпор мог дать кому угодно, без малейшего колебания. Не одну сечу прошел – головы чужие беречь не приучен. Его в опустевшем дворце и оставил.

И вновь по широкому тракту вытянулся длинный княжеский обоз, сопровождаемый полусотней холопов, едущих налегке, только с саблями у пояса. Все же не в ратном походе, обычная поездка по мирной русской земле. Однако же, в нескольких телегах были сложены под рогожей и пищали, и рогатины, и бердыши. Как ни крути, а любая свита княжеская – не просто слуги и рабы, жизнь свою боярину продавшие, но и маленькая армия. Случись чего – не в поместье же гонцов за оружием отсылать? Царские гонцы в любой миг могут с тревожными вестями по дорогам промчаться, созывая служивых людей в ополчение против очередного неожиданно сильного супостата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.